

КОСТЁР

1

ЯНВАРЬ
1990

КОСТЁР

1

ЯНВАРЬ
1990

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издаётся с июля 1936 года

© «Костер», 1990.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Хранитель очерк Н. Коняева	2
Рядом с Лениным стихи А. Шлыгина	4
Воспоминание о вальсе рассказ И. Андриановой	5
Барабан сообщения юнкоров	10
Откровенный разговор	14
Отто — это носорог повесть-сказка Оле Лунна	16
Путешествие по Роботландии	24
Приключения академика Пятитомова и профессора Синицына	26
КИФ конкурс изобретателей и фантастов	28
Как вас зовут, озеро! очерк Е. Перехвальской	31
К 70-летию Н. И. Сладкова	34
Зеленые страницы	36
Феномен Лидии Скобликовой очерк Л. Бородиной	38
Веселый звонок	40
Все о Синей Бороде и многое другое очерк А. Ефремова	42
Кто такой Барабашка, или Проделки квартирных невидимок очерк Г. Лисова	44
Арчбек шахматы и шашки	46
Творчество твоих ровесников	47
На обложке рисунок Н. Куликовой	

СТО ТЫСЯЧ ВЕРНЫХ ПОМОЩНИКОВ

ЕСТЬ У РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА. Сто тысяч писем получает ежегодно «Костер» от своих юных корреспондентов, которые таким образом участвуют в создании очередных номеров.

Листки некоторых писем становятся непосредственно страницами журнала. Стихотворение юного поэта занимает свое место в рубрике «Творчество твоих ровесников». Юнкоровский рассказ располагается на страницах нашего «Барабана» рядом с рисунками и фотографиями, присланными другими ребятами. Понятно появление заметок из писем школьников в «Морской газете» и на «Зеленых страницах».

А если письмо содержит замечание: что-то не понравилось из опубликованного? И это помогает в создании будущих номеров. Помогает учесть интересы многих и многих ребят, от каких-то материалов отказаться, чему-то уделить большее внимание.

Нам важно знать ваше мнение о новых наших рубриках, о статьях и очерках. Например, на страницах этого номера впервые встречаются два ученых друга: академик Пятитомов и профессор Синицын, знакомый вам по разделу «За семью печатями». Понравились ли вам их приключения? А что вы думаете о КИФе — клубе изобретателей и фантастов? Интересно ли это?

Бывают письма-исповеди. Девочка пишет о своей первой любви, спрашивает совета. В этом году мы предполагаем чаще публиковать письма на сердечные темы. Будем приглашать к разговору интересных собеседников.

Это письмо не может оставить равнодушным: «Дорогая редакция, помогите! Не могу наладить отношения с родителями. Моя мама не понимает меня. Мой отчим...» Что делать? Как помочь? И может ли за короткое время командировки посланный нами журналист разобраться в сложных семейных отношениях? А письмо кричит: «Помогите!..»

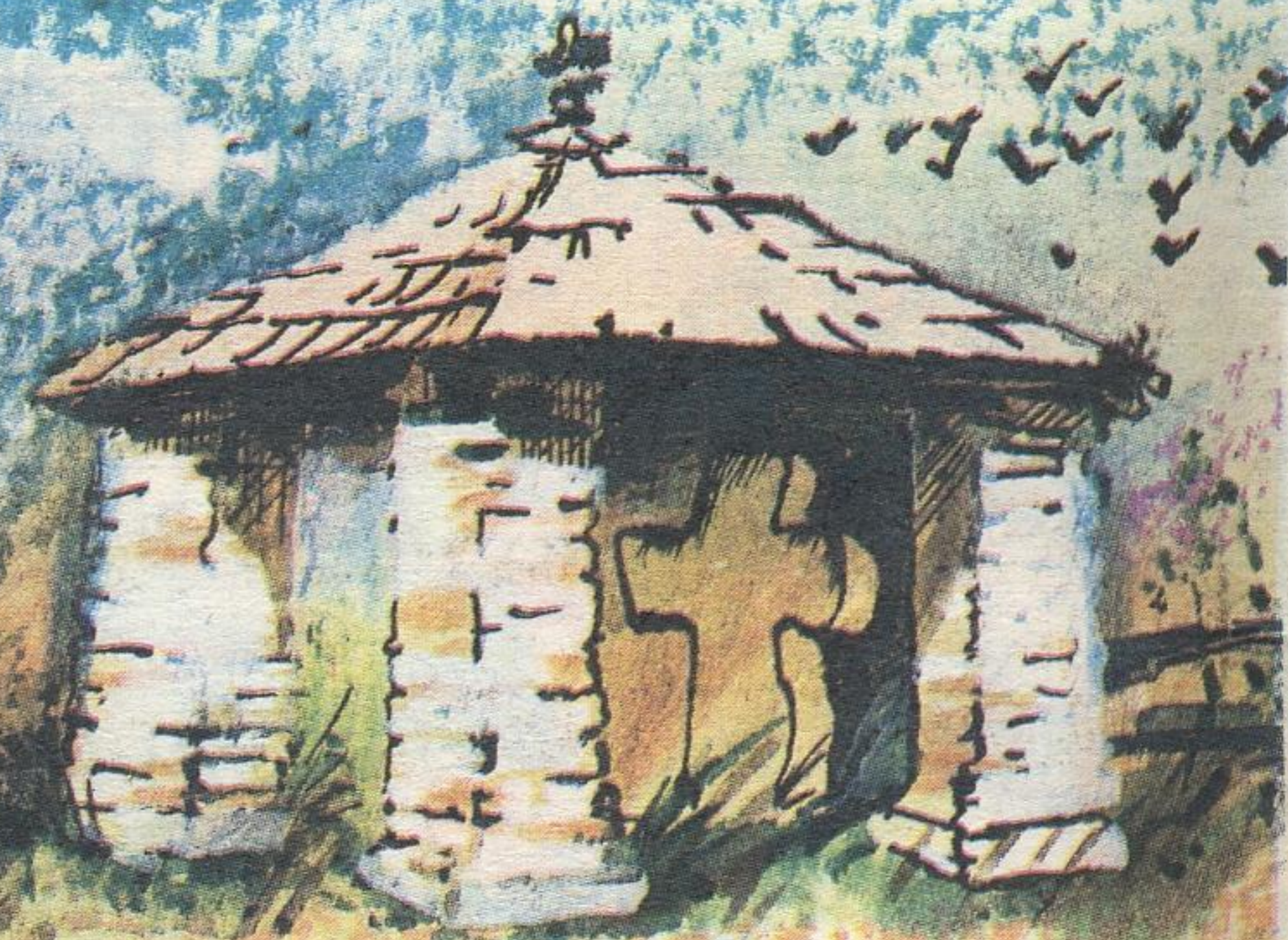
А вот тревожное письмо иного содержания. Оно напечатано в этом номере журнала. Школьники поселка Первомайский Ленинградской области пишут о непонятном строительстве на берегу озера Ахи-Ярви. Это как раз там, где проходила наша костровская экспедиция. И наша новая «экспедиция» в составе редактора отдела и фотокорреспондента уже мчится на место происшествия. Репортаж об этом — в следующих номерах журнала.

Идут письма. Сейчас их особенно много. Это ответы на традиционную анкету, напечатанную в последнем номере минувшего года. Многие ребята прислали нам новогодние поздравления. Ответить каждому мы не в силах. А всех вместе поблагодарить через журнал можем. Большое спасибо, друзья!

Мы с нетерпением ждем новых писем как от постоянных наших читателей, так и от тех, кто выписал «Костер» впервые и сейчас читает эти строки.

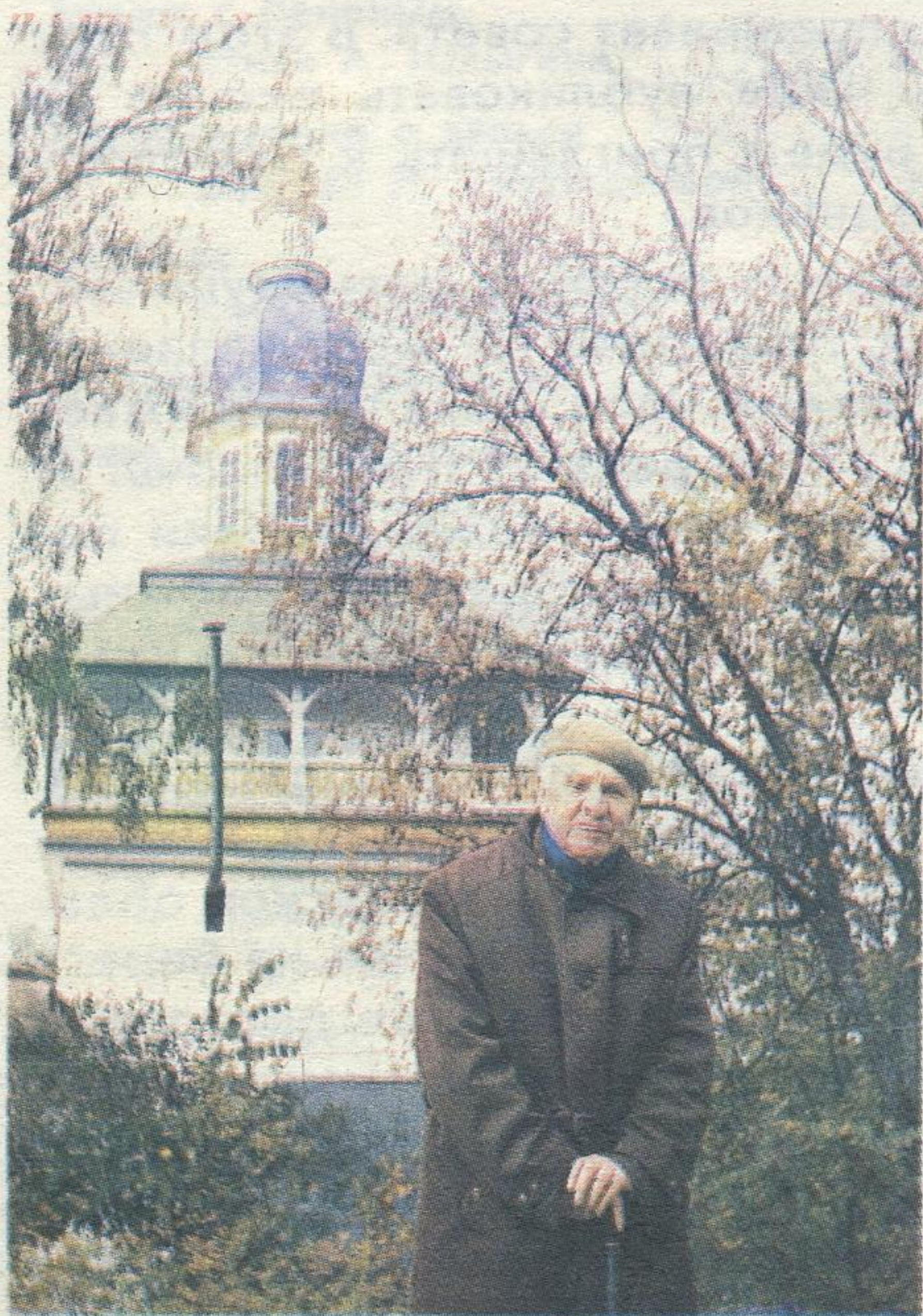
Давайте делать журнал вместе!

ХРАНИТЕЛЬ

Николай КОНЯЕВ

Когда думаешь о Михаиле Васильевиче Лашине, вспоминаются изъеденные, но так и не сокрушенные ни войнами, ни веками могучие крепостные башни древнего города Изборска, сказочные звездно-синие купола Печорского монастыря, неоглядная даль, что открывается с Труворова городища.

Эта местность неотделима от судьбы Михаила Васильевича. Служению, охране этой земли отдана вся его жизнь. Жизнь большая, нелегкая...

Впервые я узнал о Лашине, когда увидел возле села Халахальня необычное сооружение: на сложенных из белого силикатного кирпича опорах — покрытая жостью крыша, которую увенчивает металлический

прапор с древним гербом Пскова. На задней стенке необычного сооружения был укреплен расколотый каменный крест.

— Это монастырь восстанавливал? — спросил я. — Или государство?

— Нет! — ответили мне. — Лашин...

Так я услышал впервые эту фамилию, но потом она мелькала в самых разных разговорах с самыми разными людьми, и я понял, что трудно найти в Печорском районе человека, который бы не знал или не слышал ничего о Лашине.

Но вначале несколько слов о восстановленной Лашиним часовне. Первое упоминание о селе Халахальне встречается в псковских летописях в 1341 году. Село встало на дороге, ведущей из Прибалтики в Изборск и Псков, и сколько армий проходило мимо него, когда в огне и крови выковывалась граница Государства Российского! А каменный крест, по преданию, поставили еще раньше, поставили в честь победы Александра Невского над немецкими рыцарями на льду Чудского озера. Позднее над крестом построили открытую часовню, и крестный ход, шедший из Печорского монастыря в Псков, всегда останавливался здесь, чтобы отслужить панихиду по убиенным русским воинам.

В 1940 году часовню взорвали.

Ветхие столбы рассыпались в прах, а древний каменный крест раскололся на три куска.

В альбоме Михаила Васильевича Лашина хранится фотография развалин часовни, сделанная перед восстановлением ее в 1976 году. Каменный крест лежит в бурьяне, как убитый воин, раскинувший по сторонам свои обессиленные руки.

— Когда я вернулся после войны домой и увидел эти развалины, я заплакал... — рассказывает Михаил Васильевич.

Заплакал...

Заплакал не мальчик, а солдат. Человек, который в первые дни войны вступил в истребительный батальон, человек, участвовавший в обороне Таллинна, тонувший в заливе, когда немецкие самолеты разбомбили наши корабли, вывозившие солдат из окруженного города.

И слушая Михаила Васильевича, почему-то думалось, что среди воя немецких бомбардировщиков, среди ада вздымающихся из воды разрывов бомб вспоминался ему и этот раскинувший богатырские руки крест, что лежал поверженным возле Халахальни.

Я не оговорился.

Часовню в Халахальне взорвали не немцы, а мы сами, когда перед войной Печорский район был присоединен к РСФСР.

Что думал, что чувствовал молоденький секретарь уездного комитета комсомола Ла-

Рисунок А. Старостина

шин, когда узнал, что по чьему-то указанию варварски уничтожен памятник истории, святыня — древняя часовня, возле которой снимали шапки деды и прадеды, крест, перед которым становились на колени бабки и прабабки, провожая своих мужей на войну? Растерянность? Горечь?

А что чувствовали наши отцы и деды, когда взорвали в Москве храм Христа-Спасителя? На гранитных плитах этого храма были высечены имена русских воинов, отстоявших нашу Родину в Отечественной войне 1812 года... Сейчас на месте Храма открытый плавательный бассейн, и в холодные дни клубится над ним, как злая, нечистая сила, туман. Клубится над развалинами Храма... Страшным для России было предвоенное десятилетие. Даже в Ленинграде, который все-таки сумел сохранить свой исторический облик, не счесть невосполнимых потерь. Замирает от боли сердце, когда перелистываешь страницы каталога «Утраченные памятники архитектуры Петербурга-Ленинграда». Десятки прекрасных соборов были взорваны тогда в городе, чтобы остались на их месте пустыри, чтобы поднялись здесь безликие коробки зданий...

Взрывы гремели по всей нашей необъятной стране, и в огне их гибло самое дорогое — наша культура, наша историческая память. И казалось, что уже

ничто не сможет остановить эту гибель...

Но впереди была война, которая не только принесла неисчислимы беды, но и отделила подлинные нравственные ценности от выдуманных. Великая война, в горниле которой испытывался подлинный патриотизм.

— Вот тут все мои комсомольцы... — Лашин переворачивает тяжелые, как страницы древней летописи, листы альбома. — Вот я, вот братишка мой погибший. Почти все погибли. Мало кому посчастливилось вернуться...

В 1970 году Лашин решил поставить памятник погибшим землякам. Деньги собирали всем миром. Давали кто сколько мог. На эти средства и поставили памятник на изрытом траншеями древнем кургане — огромный валун с мраморной доской, на которой выбиты фамилии погибших односельчан. Перед войной в селе было сто семьдесят пять дворов. На мраморной доске — восемьдесят три фамилии. Три фамилии — Лашины. На войне погибли все братья Михаила Васильевича Лашина.

Валун тащили издалека. Тремя тракторами поднимали его на древний курган, в котором лежат прадеды, те русские воины, память о подвигах которых и помогла нам выстоять в страшной войне.

Этот памятник — символ. Он смыкает нити истории. Той ве-

ликой истории нашего Отечества, против которой пытались заставить бороться комсомольцев сорокового года с историей, которую своими жизнями предстояло продолжить им самим.

Я не выяснял да и не пытался выяснить, что делал или не делал Михаил Васильевич Лашин, будучи секретарем укома комсомола в 1940 году, для защиты памятников истории. Если и была в нем тогда растерянность, то после войны, когда он вернулся домой и заплакал возле поверженного креста в Халахальне, он уже знал, что надо и что не надо делать. Главная работа Михаила Васильевича в послевоенные годы — работа хранителя. Тогда, после войны, он написал для районной газеты свою первую статью. Она называлась «Берегите памятники истории и культуры».

— Кому это нужно? — спросил тогда у Лашина редактор газеты.

— Нам всем, — ответил Михаил Васильевич.

Многое сделано Лашиным за эти десятилетия.

Он собирал и собирает материалы по истории края, он защищал и защищает памятники истории, он помогал организовывать и сам затевал народные праздники, посвященные историческим событиям...

Благодаря Лашину удалось провести в 1962 году праздник в Изборске, ставший затем ежегодным.

В 1979 году Михаил Васильевич был уже пенсионером. Разваливался родной дом в деревне, надо было бы отремонтировать его, но еще лежал возле Халахальни заросший бурьяном крест из взорванной часовни.

История восстановления этой часовни — легенда, родившаяся так обыденно просто, что не осознается пока как легенда. Михаил Васильевич расчистил старый фундамент, потом пошел «агитировать» директора совхоза. Тот разрешил выбрать из груды полубитого кирпича то, что подойдет. Лил дождь. Два дня отбирал Михаил Васильевич кирпичи, потом отправился к шоферам:

— Агитнул их, так сказать, рассказал, что это за крест, они и помогли перевезти кирпич, а потом тут как раз семеро ребят приехали шабашничать, я их и уговорил. Говорю — денег у меня нет, кроме пенсии, а надо, ребята... Месячную пенсию отдам, а больше не могу. Хорошие ребята оказались — согласились...

— А пенсию взяли?

— Взяли, конечно... Но и так почти даром получилось.

А потом нужно было сделать кровлю. Специально для этой часовни выковали прапор с гербом Пскова... Это тоже труды, тоже хлопоты... Результат известен. На прежнем месте стоит огромный каменный крест, поставленный нашими далекими предками в честь победы на Чудском озере. Он прикреплен к стене, и кажется, что и не расколот он. Как богатырь, павший уже было за смертью, снова встал он возле древней дороги...

— А свой дом в деревне отремонтировали?

— Нет... — вздыхает Михаил Васильевич. — На это уже не хватило ни сил, ни денег... Совсем уже я износился.

И торопясь, он перелистывает страницу альбома, где уже другая фотография, другая история, например, про этот трехсотлетний вяз, на который еще до войны забирались по пятьдесят парней и пели отсюда на всю деревню песни.

— А вы сами-то любили петь?

— Ну а как же? — Михаил Васильевич улыбается. — Я ж такой артист был знаменитый, даже в соседних деревнях знали. Мы «Цыган» у себя поставили, я и пел там, и декорации писал...

Бесконечны альбомы у Михаила Васильевича.

Он листает их и то ли рассказывает о людях, изображенных на фотографиях, то ли, забыв обо мне, разговаривает с ними.

— Это вот Павел Мельников, художник наш... Эх, Павлуша-Павлуша, не угадал я в больницу попасть, не повидал тебя напоследок...

И возникает ощущение, что эти люди, изображенные на фотографиях, люди, которых знал Михаил Васильевич, оказывались в этом альбоме прочнейшим образом сцепленными с историей, сами становились историей — один был известен тем, другой этим... И, разговаривая с ними, Лашиц словно советовался о главном, размышлял, все ли он сумел сохранить, сберечь, что мог и что надо, что нельзя не сберечь. И строго смотрели на него комсомольцы с довоенной фотографии. Смотрели на него, Хранителя...

РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ

Небо густо заалееет,
Тучи низко поплывут...
Ленин выйдет на аллею,
А Данилка тут как тут.

На глаза съезжает кепка,
И пиджак великоват...
Впрочем, сбит мальчишка крепко,
Хоть и ростом маловат.

Деревянный парабеллум
Носит он на ремешке,
Чтобы контра оробела
И вблизи, и вдалеке...

И Данилка представляет,
Рядом с Лениным идя,
Будто лично охраняет
Пролетарского вождя.

И завяжется беседа
Про погоду, про дела
И про лошадь у соседа —
Жеребенка родила!..

Но Данилка чутко слышит,
Вдруг притихнув, присмирив,
Как неровно Ленин дышит,
На скамеечку присев.

И заметит он, как Ленин
Тронет левое плечо —
После тяжкого раненья
Не залечено еще.

Отведет рукой Данилка
Паутинку от плеча...
И следит, как бьется жилка
На виске у Ильича.

Алексей ШЛЫГИН
Рисунок О. Вороновой

Ирина АНДРИАНОВА

РАССКАЗ

Рисунки А. Ивашенцовой

Шел мне тогда тринадцатый год.

Жили мы в самом центре города, на седьмом этаже большого многоподъездного дома. Кроме нашей семьи, в квартире жили еще две. В одной хозяйкой была старая неряшливая женщина Анна Ильинична, в другой — шумная злая тетя Вера. Ее так и звали — злая Вера.

Мама постоянно переживала из-за соседей: то Анна Ильинична раковину засорит или плиту супом зальет, то злая Вера пытается на кухне по пустому поводу скандалить.

Часто мама приходила с кухни красная, растерянная и говорила папе:

— Представляешь, что они вытворяют? Не знаю, хватит ли у меня сил...

И пересказывала очередной острый момент нашей квартирной жизни.

Папа не вмешивался в эти ссоры. Однажды было дело — вышел на кухню, сцепился со злой Верой, и такой у них поднялся крик, такие родились обвинения, что мама раз и навсегда запретила себя защищать.

Вот и сидел папа дома, слушал расстроенную маму, ужасно волнуясь и страдая от бессилия... Как я их жалела в эти минуты!

Мама моя была медсестрой, и папа — тоже. Но он всегда говорил для солидности: «Я — медбрат». Не мог же он всем признаться, что он — медсестра. Хотя — я-то это точно знала — никаких медбратинских обязанностей в медицине не существовало, существовали медсестринские обязанности: ставить банки, штамповать рецепты, бегать с больничными картами из регистратуры в кабинет, накладывать повязки. И делать уколы.

Эту самую неприятную на свете процедуру прекрасно умели делать мои родители. Я испытала их медсестринское искусство на себе многократно. Правда, мама делала уколы лучше — ее рука была легче и уговаривала она ласковее, — но все равно уколы я ненавидела всегда. Особенно в детстве.

Денег мои родители получали немного — только-только хватало на все необходимое, но я знала, что мама и папа ухитряются копить трешки, пятерки, иногда десятки на свою мечту. Копили они долго, много лет, начали с того момента, как я у них появилась. И мечтою их было — пианино. Они мечтали выучить меня на пианистку.

Однажды наступил такой день, когда в нашем доме пианино появилось. Большое, черное, с крупными белыми и мелкими черными зубами-клавишами, с сотней разных голосов.

Относилась я к нему почти равнодушно, так, снисходительно, мол, пусть пока здесь стоит, а там видно будет. Иногда я открывала крышку и нажимала на клавиши. Папа тогда весь преображался и говорил:

— Играй, играй, дочка! Как хорошо у тебя получается!

Ничего хорошего, конечно, не получалось: хаос звуков и головная боль от моего «творчества».

Пианино простояло у нас дома всю весну, лето, а осенью папа заболел, и его положили в больницу. Из больницы он вышел в середине октября и на первом же семейном ужине сообщил:

— Дочка, я нашел тебе учителя музыки.

Оказалось, что папа познакомился в больнице со стариком по фамилии Петрухин. У этого старика Петрухина был взрослый сын Саша — студент консерватории.

Папа торжественно, длинно сказал за ужином:

— Его сын — студент консерватории по классу фортепиано.

Это прозвучало не хуже профессора музыки.

И вот пришел тот день, когда учитель должен был появиться в нашей квартире. Ждали мы его днем, часа в четыре, я как раз успевала из школы прийти, перекусить и переодеться.

Мама в тот первый день отпросилась на работе, чтобы сделать генеральную уборку, а убиралась она всегда на совесть.

Мама вымыла полы, вытерла везде пыль, устроила баню цветам — отнесла их в ванну, полила из лейки, принесла, посвежевшие, умытые, обратно. Постелила на наш круглый стол белую скатерть с голубыми цветами — эту скатерть мы доставали только по праздникам; до блеска надраила стекла буфета и книжного шкафа. А мне велела очинить остро карандаш и найти чистую тетрадь для советов учителя музыки.

Но главное внимание было уделено пианино. Мама тоже тщательно вытерла его, достала из недр бельевого шкафа льняную дорожку, вышитую красными и желтыми крестами, аккуратно постелила эту дорожку на нижней крышке пианино.

А на верхнюю поставила бюстик Пушкина. На этом еще вчера вечером настаивал папа:

— Пусть музыкант видит, что здесь живут интеллигентные люди!

Почему бюстик Пушкина был у папы связан с интеллигентностью, я не знала. Мне лично этот предмет совсем не нравился: маленькая железная головка с мертвыми глазами.

Одним словом, комната наша к приходу учителя музыки сияла. Мама страшно нервничала, будто боялась, что студенту у нас не понравится и он уйдет, не сказав ни слова. Зря она нервничала — наша комната была самой уютной и лучшей в мире.

Потянулись минуты ожидания. Я стояла у окна и смотрела на городскую осень. Стояла и думала: «После урока музыки возьму мяч и пойду во двор». Я не волновалась в ожидании учителя музыки ни грамма. Это же была не моя затея — пианино, мне-то что.

Раздался звонок — он пришел.

Студент был высокого роста. Когда он здоровался с мамой, то склонил голову, как это делали в кино актеры, играющие роли дворян. Мама смутилась и покраснела от переживания. Студент сказал:

— Где ваш инструмент?

Он, конечно, сразу заметил, где стоял инструмент, но ему, видно, было нужно, чтобы его пригласили.

— Вот, пожалуйста. Вот наш инструмент. Садитесь, пожалуйста. — Мама засуетилась и стала двигать стул.

Студент сел, небрежно снял праздничную дорожку и положил ее комком на бюстик. Получилось, что Пушкин выглядывает как бы из пещеры.

Студент открыл нижнюю крышку, положил пальцы на клавиши и вдруг заиграл что-то быстрое, потом резко оборвал мелодию.

Я оглянулась на маму. Глаза ее сияли — так она была довольна. Взгляд мамы встретился с моим взглядом, он говорил: «Учись, и ты так будешь играть».

— Занятия будут длиться час. Два раза в неделю, — сказал студент скороговоркой. — Нужны будут две нотных тетради, самоучитель и карандаш с ластиком.

— Записывай, все записывай, — зашептала громко мама. Словно от того, что я сейчас запишу про нотную тетрадь и ластик, я научусь играть, как Ван Клиберн.

— Теперь, если можно, оставьте нас вдвоем, — сказал студент.

Я заметила, что он, когда говорил, не смотрел в глаза, а глядел на клавиши или на слово «Лира», которое было написано под полочкой для нот.

— Да, да, я сейчас, — снова засуетилась мама и вышла.

— Садись, — сказал мне учитель музыки. — Вот это нота до, это ре...

Он начал наш первый урок.

Конечно, мне было обидно, что учитель музыки не спросил, как меня зовут. Ему это было неинтересно. Впрочем, как неинтересны и занятия со мной. Видимо, он нуждался в лишнем деньгах, поэтому согласился давать уроки. Об этом я дога-

далась потом, когда выросла. А сейчас я нажимала с усердием на все эти до, ре, ми, с которых пальцы соскальзывали, будто мокрые. Старалась я ради папы и мамы, ради их мечты, ради того, чтобы мои медсестра и медбрат не чувствовали себя маленькими и незаметными в жизни — ведь их дочь учится на пианистку!

А самой мне в голову никогда не пришло бы захотеть стать пианисткой. Я не любила музыку, я любила гулять, смотреть на людей на улице, прыгать через скакалку, лупить мячом об асфальт, еще любила читать книги, ходить с папой в театр и музеи. Особенно в музеи. Если бы меня спросили, кем я хочу быть, то, не раздумывая, я бы ответила — музейной тетенькой. То есть сидеть в музейном зале, смотреть за посетителями и одновременно любоваться картинами.

А тут музыка...

Между трудным «доремешным» делом я разглядывала учителя музыки. У него были сухие тонкие длинные пальцы с коротко подстриженными ногтями, большое ухо с розовой мочкой, длинные ресницы и молочно-белые белки глаз. Еще у него были худая шея и острый кадык. Когда учитель музыки говорил, кадык шевелился, и мне почему-то становилось жалко студента, хоть плачь.

Из кухни вдруг поползли ароматные запахи. Я поняла, что мама печет свои фирменные пирожные — рогалики. Ну зачем, зачем она это делает? Встречает студента как самого дорогого гостя? Зачем?

Я начала нервничать, руки у меня вспотели, и вдруг осмелела и попросила:

— Сыграйте сами, пожалуйста.

Саша кивнул и начал играть, а я слушала, одновременно принюхиваясь к ароматным запахам, и смертельно жалела маму.

Потом час истек, мама внесла на фиолетовой голландской тарелке — была у нас одна такая роскошная, праздничная — горячие рогалики.

Учитель музыки стал отказываться, но мама настояла, положила ему в целлофановый мешочек штук десять. Учитель мне сказал: «До свидания. До пятницы», — и торопливо ушел. В коридоре мама остановила его, что-то дала, он сказал «спасибо», — и я догадалась: мама заплатила за урок.

...Он стал приходить два раза в неделю, быстро садился к пианино и, не глядя на меня, начинал что-то объяснять. Он никогда не ругал меня за плохо выученный урок, ему было все равно. Когда ему надоедало мое бречанье, он играл сам. Обычно недолго — минут пять, словно разряжался от напряжения. Но эти пять минут были самыми моими любимыми, самыми светлыми. Если бы кто-нибудь сказал мне, что я полюбила музыку, я бы посмеялась. Просто сбывалось, хоть на мгновение, желание родителей — в нашем доме звучала музыка.

В ноябре родители работали по вечерам и не могли присутствовать на моих занятиях. Теперь мама перед каждым вторником и каждой пятницей давала мне запечатанный конверт, наказывала:

— Отдай после занятий учителю.

Я отдавала.

Однажды его долго не было. Обычно он появлялся в четыре, а прошло и пять часов, и полшестого. Я старалась спокойно ждать, взяла книжку, но спокойно ждать не удавалось. В своей напряженной тоске я поняла, что, если он не придет, мне будет очень плохо. Чего именно я ждала? Пяти минут музыки или самого учителя? Я не знала. Но было страшно обидно, что он забыл про меня и не идет.

Раздался звонок: я полетела открывать дверь.

На пороге стоял он и незнакомая девушка. Оба были мокрые, а глаза их блестели от счастья.

— Здравствуй, — сказал весело учитель музыки. — Это Лена... А это, — он обратился к девушке, — моя ученица. Можно, мы обсохнем? — спросил он меня.

Я впустила их. Они вошли в квартиру, разделась, и Лена сказала:

— Девочка, поставь, пожалуйста, чайник. А то мы замерзли, там дождь такой, хоть умри.

Я выполнила ее просьбу и вернулась в комнату. Лена сидела на нашем стареньком диване по-простому, с ногами — тоненькая, сияющая, с румяными щеками — и грызла рогалики. Мама теперь постоянно пекла их по вторникам и пятницам.

Учитель музыки сидел за пианино.

— Ну, что будем делать? — спросил он меня и улыбнулся Лене.

— Саш, а за что тебя сегодня ругал Мозгляков? Говорят, ты решил показать ему свою трактовку Баха. Сыграй, жутко интересно, — попросила Лена.

— Хорошо, — он снова улыбнулся. Он постоянно улыбался, и это казалось мне удивительным.

Учитель музыки повернулся к нам спиной, откинул легонько назад голову и начал играть.

Наша маленькая комната не вмещала эту музыку. Наша комната трещала по швам, и мне казалось, что я задыхаюсь от музыкального ливня. Но этот ливень обрушился не во имя меня — для тоненькой девушки, жующей рогалик, а я была случайным прохожим, попавшим под бушующие могучие струи.

Учитель музыки играл полчаса, и может быть, даже больше, а мне почему-то хотелось плакать.

Потом мы пили чай, учитель и Лена болтали о чем-то своем — студенческом, взрослом, музыкальном. Затем они поднялись из-за стола.

— Спасибо. Нам пора идти, ладно? — сказал студент извиняющимся тоном, глядя влюбленно на Лену.

Я кивнула.

Я проводила их до дверей, и у самого порога дала учителю конверт. Он сначала смутился, но потом быстро сунул его в карман.

— Вы придете во вторник? — прошептала я.

Он удивленно пожал плечами, и они весело, шумно уехали на лифте.

Листы нотной тетради в тот день остались чистыми.

А потом они приходили ко мне три раза подряд. И все три раза мы не занимались, а слушали, как студент играет. Он мог сидеть за пианино хоть целый день, но всегда обрывал музыку ровно через

час. Наверное, не хотел встречаться с моими родителями — с моими бедными медсестрой и медбратом и с их огромной мечтой — сделать из меня пианистку.

— Ты не говори родителям, — всегда на прощанье просил студент и совал в карман запечатанный конверт. Я понимала, что он боится, и жалела студента очень...

Неряшливая Анна Ильинична и злая Вера давно заподозрили неладное. В один из ноябрьских вечеров они завели с мамой на кухне опасный разговор.

— Что это вы из квартиры консерваторию делаете? — спросила Анна Ильинична и бросила шкурки от картофеля мимо мусорного ведра.

— Разве запрещается учить ребенка музыке? — ответила мама. Она была горда, что защищает ребенка и его право — войти в чарующий мир искусства.

— Учить... — хмыкнула злая Вера. — Тут их табун ходит, учителей, и бренчат до потери сознания. На пианино никто вашего ребенка не учит. Вот. А у меня лично аллергия на ваше пианино.

Мама сразу занервничала, покраснела и спросила у меня, я как всегда крутилась рядом:

— Это правда? Ты не занимаешься?

— Все они врут, — ответила я маме. — Занимаюсь, еще как.

Мама облегченно вздохнула, она мне верила — бедная моя, добрая мама, а соседки закричали:

— Сама она врет! Устроили тут балаган! Девочек водят! Безобразия!

Мама и папа в ту ночь плохо спали, шептались, я тоже плохо спала, думала, что же будет дальше. Все такие бедные в мире, всех жалко, никто не понимает друг друга.

...Настал очередной вторник. Я прибежала из школы: папа и мама уже ушли на работу. Я знала, чувствовала, что Саша и Лена снова придут вместе и снова он будет играть целый час для Лены.

Мама оставила мне между подушками на кровати завернутую в газету кастрюлю с гречневой кашей. Мама всегда так делала, чтобы я лишней раз не подходила к плите и чтобы всегда у меня было горяченькое. Я поела этой каши и устала в окно.

Там стоял глухой ноябрь, с холодным воздухом, озябшими деревьями и пасмурным небом. Город ждал снега, сугробов, веселого ледка — ждал зимы. Но ничего этого не было, а было тоскливо и серо.

Раздался звонок. Я бросилась открывать.

На пороге стояли Лена, Саша и еще двое каких-то парней: один — в очках, а другой — лохматый и толстый.

— Здравствуй, девочка! — весело сказала Лена. — Можно у тебя погреться? Мы с концерта и страшно замерзли.

Они прошли в комнату, а Лена по-хозяйски побежала на кухню ставить чайник. Когда он закипел, все набросились на мамины праздничные рогалики, и вдруг лохматый сказал:

— Чего-то я голодный такой.

Я достала из подушек кашу, из холодильника — котлеты, которые мама нажарила на ужин, и бан-

ку варенья. Через несколько минут все это исчезло.

Потом Саша сел к пианино.

— Хотите вальс Кюи? — спросил он у сытой публики.

— Валяй, — лениво поддержал очкарик. — Только это дребедень. Я Кюи не уважаю.

— Почему дребедень? — возразил Саша. — Мне нравится, что это не сам вальс, а как бы воспоминание о вальсе. Когда-то звучал вальс, настоящий танец, а потом кто-то одинокий, грустный вспоминает его — и вспоминает неточно, приблизительно, мелодия как бы размыта.

— Ну, валяй, валяй, учитель ты наш, — сказал теперь лохматый и закурил.

Курить в квартире было строжайше запрещено. Мой папа не курил, и в соседних семьях тоже никто. И если вдруг откуда-то тянуло табачным дымом — это был настоящий скандал. Но Саша уже заиграл, и остановить лохматого я не сумела.

Воспоминание о вальсе было необычной музыкой. Я подумала, что есть в нем что-то от зимы, от фонарного тусклого зимнего света, столько в нем печали... Саша играл, а мне вдруг стало жалко всех студентов — голодных и замерзших на ноябрьском пронзительном ветру, уставших от труд-

ных занятий. И у каждого из них, наверное, в жизни было свое воспоминание о вальсе, то есть что-то очень грустное.

Вдруг открылась дверь, и на пороге появилась мама. Она вошла бледная-бледная, а потом внезапно покраснела.

— Мы тут забежали на минутку с друзьями, — сказал Саша, но сразу спохватился: о какой минутке он говорит — у него сегодня положенный день занятий. — Да... Это ребята замерзли и зашли, а мы вот бились-бились с вашей девочкой... Она плохо понимает музыку... Ей трудно все дается... Я решил показать, как надо толком играть...

Он все больше и больше путался, больше врал, а мама стояла на пороге комнаты и молчала. Она, верно, не знала, что сказать. Ведь она так верила в серьезные занятия, в мое музыкальное будущее, и каждый раз пекла наши фирменные рогалики, чтобы подбодрить учителя музыки, показать, что к нему здесь отлично относятся.

Мама молчала. Замолчал и Саша. Молчали все. Только вдруг хихикнула Лена — ей стало весело от того, что нас застукали, — она чуть не лопалась от смеха.

И тут сказала я:

— Мама, я не хочу заниматься музыкой с этим учителем. Он плохо играет и вообще сказал мне, что он не по классу фортепиано, а по классу аккордеона.

Студенты медленно поднялись со своих мест и медленно, как в замедленном кино, оделись и один за другим вышли из квартиры. Все до одного сказали мне и маме:

— До свидания. — Они же были интеллигентными людьми.

А когда захлопнулась дверь, мы услышали, как они захохотали на лестнице.

— Ничего, ничего, — сказала мама. — Ничего, дочка. Найдем тебе учителя по классу фортепиано.

Она собрала грязную посуду, заглянула в холодильник и ахнула.

— Да нам же на ужин ничего не осталось!.. Дочка, а где конверт для учителя?

Я подала его.

— Собирайся, пойдем по магазинчикам, — сказала мама и надорвала конверт. И вытащила оттуда три рубля.

Мы ходили до темноты по магазинам: купили и колбасы, и сахару, и даже три бублика к чаю.

Когда мы уже возвращались домой, пошел первый в этом году снег. Он был робкий, прохладный и удивительно свежий. Я подставила ему горячее лицо, и внезапно слезы полились у меня из глаз.

— Бедная, бедная моя девочка, — сказала мама, вытащила носовой платок и начала, как маленькой, вытирать мне глаза. — Бедная моя, глупенькая. Ну, все, все.

Откуда было маме знать, что первый снег напомнил мне воспоминание о вальсе, печальную, тихую музыку. И то, как прекрасно играл Саша, и как я каждый раз ждала его, и наши занятия, на которых ему было скучно, и чай, и Лену, и рогалики. И то, что это больше никогда-никогда не повторится.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

«Приехал я в лес, ищу дров, а их нету. Что, думаю, за черт, куда ж они подевались? Смотрю — дерево, я к нему, а там дупло, а в дупле поросята печеные визжат».

Украинская небылица

«На метеорит вовсе не похоже. Форма правильная, явно рукотворная. Может, обломок от инопланетного корабля?..»

Фантастический рассказ
Александра ЩЕРБАКОВА

«261 свеча юбилейного торта зажглась электронным устройством, запущенным в действие от луча света. Отличие этого луча от всех остальных было в том, что он покинул далекую звезду Гамма Андромеду ровно 261 год назад — как раз в год рождения Франклина...»

Конкурс изобретателей и фантастов

«Я читал в учебниках и отвечал на уроках о Великих сталинских пятилетках и успехах колхозного строя в деревне. А великим, как потом выяснилось, было только горе миллионов ни в чем не повинных людей — сосланных в лагеря и ссылки, расстрелянных без суда и следствия...»

НОВАЯ РУБРИКА «КОСТРА»

УРОК ИСТОРИИ

ЭТИ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ
ЧИТАЙТЕ В ЖУРНАЛЕ

КОСТЕР

№ 2 1990 г.

БАБА

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

„Барабан” съём тревогу!

У нас в школе есть музей, посвященный истории нашего края. Особенно много материалов мы собрали о жизни революционера Александра Михайловича Игнатьева, которого хорошо знал В. И. Ленин. До революции А. М. Игнатьев жил недалеко от нашего поселка на берегу озера Ахи-Ярви. Здесь у него была дача, где большевики хранили оружие, ленинскую газету «Искра» и другие документы. Много лет назад, во время войны дача Игнатьевых сгорела. Остался один фундамент, там поставлена стена, рассказывающая о революционных событиях. Летом 1986 года на берегу Ахи-Ярви проводилась Всесоюзная экспедиция «Костра». В ней принимали участие пионеры со всех концов страны и следопытский отряд нашей школы. Мы проводили раскопки на месте дачи Игнатьевых, искали бундера с оружием и с партийными документами. Оружие и документы мы не нашли, но все ребята были довольны, что принимали участие в таком важном деле. До сих пор вспоминаем мы об этой интересной экспедиции. Но мы пишем вам не поэму.

Недавно на этом историческом месте кто-то построил дом. Все ребята возмущены таким неуважением к прошлому нашей Родины.

Даниил Кирсанов, Алексей Богусев, Михаил Фомичев,
пос. Первомайский Выборгского района Ленинградской обл.

Наши корреспонденты В. Верховский и Замир Усманов выехали в поселок Первомайский Ленинградской области.

ЧУЖАЯ БЕДА — ЧЬЯ ОНА?

Все люди говорят, что должна быть справедливость. Только я что-то этого не вижу. Я стараюсь заступиться за тех, кого обижают, кому плохо, а мне часто говорят: «Не суй свой нос куда не надо».

В классе меня не любят. В четвертом классе моя мама рассказала одноклассникам, что я давно больна эпилепсией, чтобы они мне посочувствовали. Но ребята еще больше после этого стали меня ненавидеть.

Вот уже три месяца нет этих проклятых приступов. Может, я и выздоровею? Но только вряд ли мои одноклассники станут относиться ко мне лучше. Наверное, прочитают это письмо и опять начнут упрекать, что я вечно жалуюсь...

Таня Литвинова,
БССР. Минская область,
г. Борисов

ОБЩИЙ ЯЗЫК

В нашем классе существует разделение между девочками. Те, кто учится на 4 и 5, никого не замечают. Хоть бы посмотрели в нашу сторону или сказали: «Привет!», но они проходят мимо. Вторая группа — это я и моя подруга Света. Третья группа — это девочки-чеченки. Они бьют мальчишек и слабых. С другими не общаются, говорят на своем языке. Вот такое у нас разделение.

Даша Лебедева,
5-й класс,
г. Ставрополь

**ОБСУЖДАЕМ
ПРОЕКТ ОБНОВЛЕНИЯ
ВСЕСОЮЗНОЙ
ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Что моде того времени

Я очень рада, что наконец-то и пионерская организация начинает перестраиваться. Давно пора!

Разве может современный пионер жить по тем законам, которые мы учили еще недавно? Они устарели, эти законы! Ведь люди меняются, меняются дети, значит, и правила должны меняться. Старые законы рассчитаны на каких-то идеальных мальчиков и девочек, а не на живых ребят, у которых могут быть и недостатки какие-нибудь.

По-моему, жить по старым законам — это все равно что надеть сейчас на себя платье по моде XIX века.

Ира Сизонова,
8-й класс,
2-я школа,
г. Кировск

**ЗДОРОВЬЕ ЗЕМЛИ —
ТВОЕ ЗДОРОВЬЕ**

Будет ли у меня будущее?

Меня волнует один вопрос. Каким будет мое будущее? И будет ли оно вообще?

Из разговоров слышала, что все население к 2000 году будет заражено СПИДом. Также слышала о таянии полярных льдов, что всю сушу затопит вода. Слышала — появляется много озоновых дыр. Все это говорит о том, что в 2000 году будет «конец света», все население погибнет. Ведь об этом, кажется, даже в Библии написано. А мне в 2000 году будет всего 25 лет. Неужели моя жизнь будет так коротка?! Неужели ничего нельзя придумать, чтобы предотвратить все это?

Ирина Б.,
г. Саранск,
Марийская АССР

ВСЕ ЛИ У НАС РАВНЫ?

Белые вороны

В мае прошлого года вы печатали сочинения моих ровесников о Перестройке. Больше всех я согласна с Леной Будкиной, которая пишет о разделении людей на богатых и бедных.

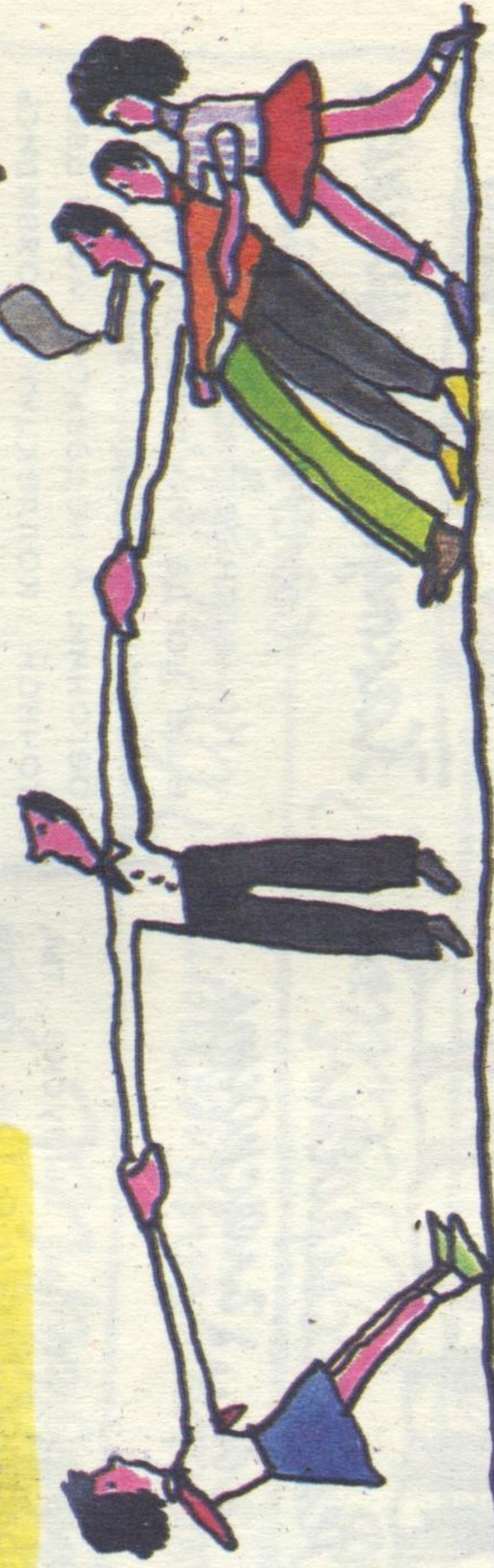
К сожалению, наша семья принадлежит к бедным. Мало кто сейчас может понять нас. Я живу, не имея возможности есть то, что хочу, надевать то, что нравится. Раньше, после войны, большинство людей были объединены общим горем. Большинство не имело элементарных вещей. А сейчас мы, бедные, среди других — как белые вороны.

Кто нам поможет? Скоро ли придет эта помощь? Что делать пока? Я не хочу, чтобы моя фамилия где-нибудь мелькала. К сожалению, наше общество не понимает таких, как мы.

Наташа Ч.,
14 лет,
Ленинград

Я И МОЯ КОМПАНИЯ

Помогите мне ее вернуть

Получив очередной номер журнала, я сразу же принялась искать ответ на давно интересующий меня вопрос: как вытратить своего друга из плохой компании, заставить его ходить на уроки? Но вы пишете о птичках, о передовых отрядах, а не о том, что больше всего волнует сейчас нас. Видно, вам нечего сказать. Но почему, почему человек должен пропадать просто так, ни за что? Ведь таких ребят, как он, очень много. Помогите, пожалуйста!

Оля Гусева,
г. Тосно,
Ленинградская область

ПО СЕМЕЙНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

*Уехать бы от
нее подальше!*

У меня есть сестра. Она младше меня на три года, но я от нее постоянно плачу. Я хочу поскорее вырасти и уехать от нее подальше. Или умереть. Или заболеть тяжелой болезнью, но потом обязательно выздороветь.

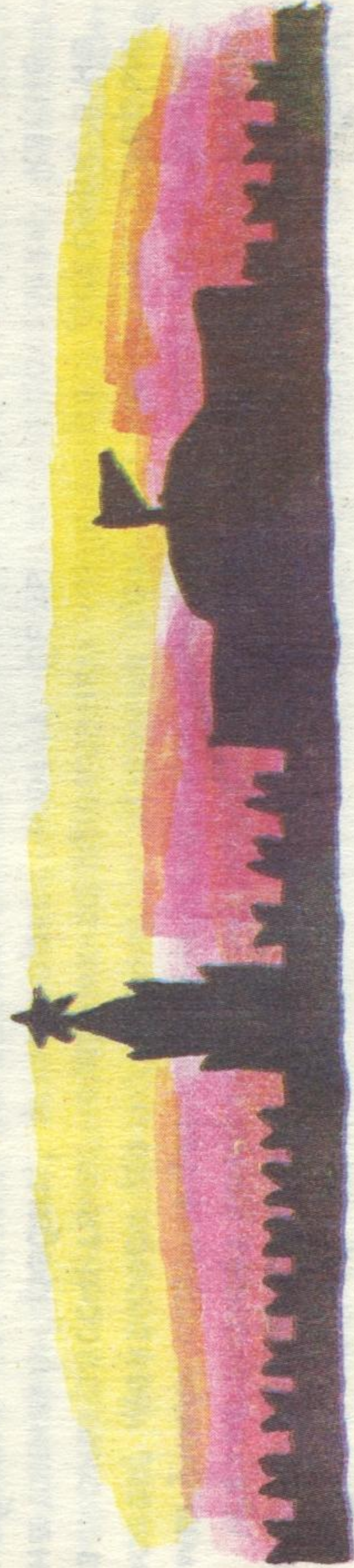
Мало того, что я некрасивая и не бойкая, я к тому же еще и заикаюсь. И сестра мне об этом все время напоминает. Когда я с подругами, я забываю о сестре. Но когда прихожу домой, снова скандалы. Стараюсь с ней поговорить по-хорошему, по-человечески, но она меня не слушает, передразнивает. Я срываюсь, убегаю, забиваюсь в подушку, она приходит, смеется злым противным смехом.

Как мне быть?

*Лена,
13 лет
(Это имя не мое, но оно вам ничего не даст)*

УРОКИ ИСТОРИИ

Этот страшный 37й

Здравствуй, «Барaban»! Хочу рассказать о нашем краеведческом кружке, созданном при краеведческом музее. Мы работаем над темой «Прошлое нашего села». Записываем воспоминания старожилов, берем материалы из литературных источников. Особая тема — восстановление честных имен тех, кто пострадал от репрессий в 1937—1953 годах. В нашем списке уже числится более ста человек.

Мы понимаем, каким важным делом занимаемся, и стараемся делать его как можно лучше.

*Оксана Якимович,
постоянный читатель моего любимого «Костра»,
Онгудайская средняя школа,
Горно-Алтайская область*

ЮНКОРЫ СТАВЯТ ВОПРОС

*«Репрессирован»
за... маску»*

В апрельском выпуске ты, «Барaban», писал о том, какой быть пионерской организации. По этому поводу я хочу кое-что сказать.

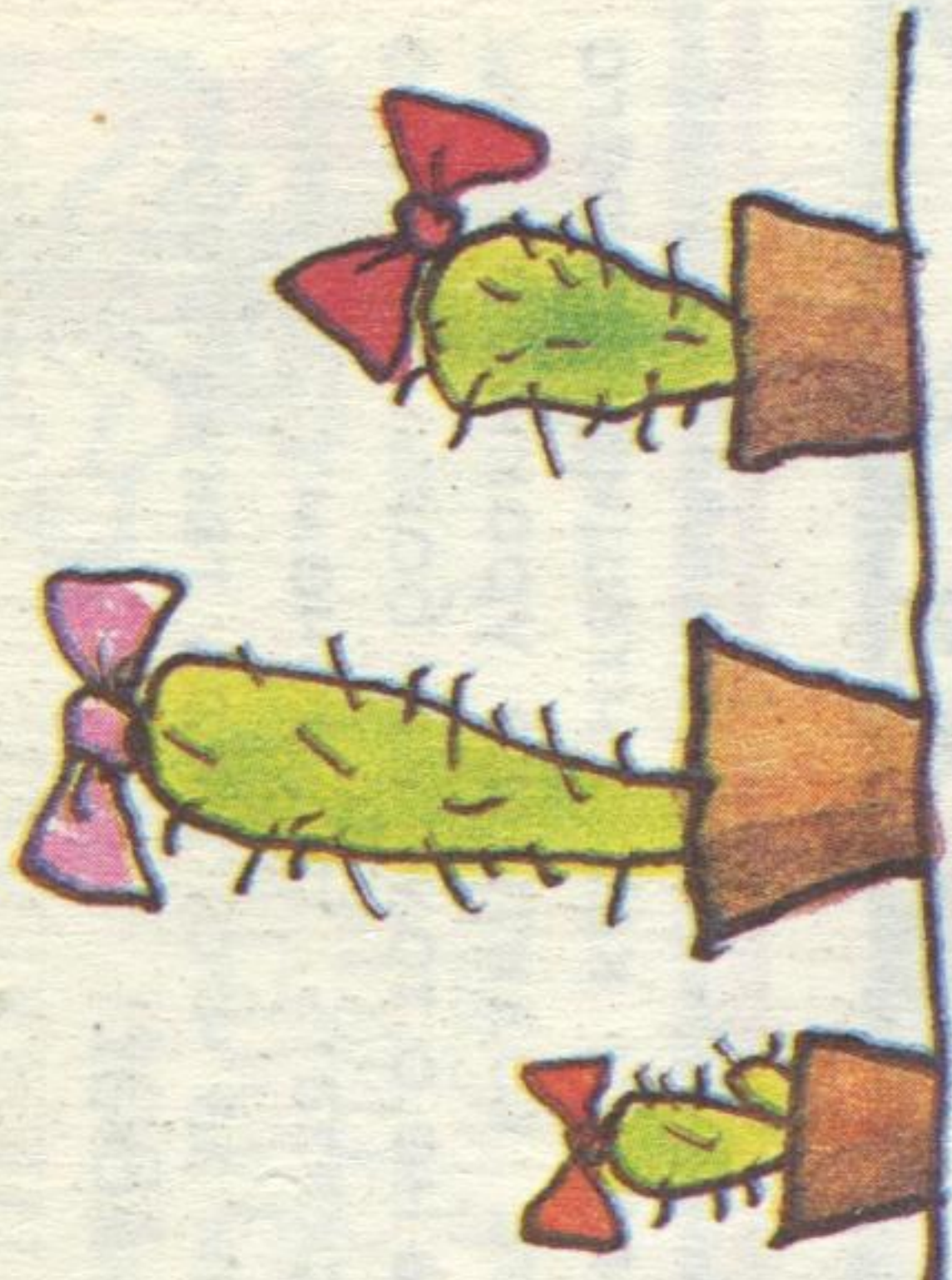
Сегодняшние пионеры не владеют искусством убеждать, а без этого какая демократия? Мы только и привыкли скандировать: «Берем власть в свои руки!» А школьная бюрократия рада-радешенька: «Как повзрослели наши дети!» Но ведь от этого ничего не меняется.

Вот когда мы во всеуслышание скажем нашей администрации: «Вы — бюрократы, а нам нужны настоящие патриоты», скажем и убедим в этом, только после этого можно будет считать, что наша Всесоюзная пионерская организация построена на истинно демократической основе.

Я вот так прямо взял и сказал все это в глаза нашему директору, завучам, старшей вожатой и... был «репрессирован». Вот так.

*Алексей Кондратьев,
г. Тамбов,
21-я школа*

А БОЛЬШЕ ВСЕГО Я ЛЮБЛЮ...

*Кактус, кактушка,
кактусенок*

Комнатные растения я завела еще когда училась во втором классе — традесканции, алоэ, бегонии. А недавно в моей цветочной коллекции появились кактусы.

А дело было вот как. С ребятами из школы мы побывали на экскурсии в совхозе-техникуме. Там в кабинете директора благоухали... колючие маленькие кактусы-карлики. Вскоре всем надоело их разглядывать, и возле них осталась одна. Директор спросил меня: «Понравилось?» и показал замечательную книгу, в которой я увидела такие кактусы, каких в жизни не видала.

Когда мы собрались уходить, чего мне совсем не хотелось, директор подарил мне горшок с крошечным кактусом эхинопсисом. С тех пор у меня появилось 15 видов кактусов, они дают деток, но пока не цветут. Я, конечно, огорчаюсь, но верю, что и на моих колючих комочках появятся когда-нибудь прекрасные цветы.

Я очень хочу переписываться с девочкой, которая тоже собирает кактусы.

*Маша Гусева,
652160, Кемеровская область,
г. Мариинск,
ул. Пролетарская, д. 52*

О Тавне Семеновне Жуковой

Рассказ о его жизни я записал со слов его дочери, Елены Павловны. Оказывается, он Ленина знал с детства, потому что жил и учился в Симбирске. Жуков был очень талантливым юношей. Закончил Петербургскую школу поощрения художеств. Он стал прекрасным флейтистом, хорошим художником, но прославился как мастер фотопортретов.

В 1920 году Павлу Семеновичу поручили сделать портрет Ленина. И он отправился в Москву, в Кремль, где сделал 11 снимков! Но только один из них получил всемирную известность. Ленин на этой фотографии задумчивый и немного грустный, часть его лица как бы в тени. Наверное, именно это и не нравилось тем, кто хотел бы видеть портреты вождя радостными. И этот снимок собирались отретушировать, как бы немного приукрасить. Но Елена Павловна спасла негатив от ретуши! Она же сделала и первые отпечатки. Ей часто приходилось помогать отцу, потому что после ранения на гражданской войне он потерял зрение.

Первые отпечатки с негатива теперь хранятся в Центральном музее В. И. Ленина в Москве. И Елена Павловна, когда бывает в музее, обязательно рассказывает экскурсантам эту вот историю...

Доброслав Меламед,
6-й класс
г. Сестрорецк

Что нужно делать, чем заниматься, чтобы стать юнкором? Если честно, я пробовала писать стихи, а вот заметки или какие-либо статьи еще не доводилось. Но я бы хотела дружить с «Барабаном». С чего начать? Какую тему выбрать в первую очередь?

Наташа Левитская,
г. Сарны,
Ровенская область

Далеко не со всеми авторами писем «Барабан» согласен. Так и хочется поспорить с Алешей из Тамбова и с Дашей из Ставрополя, растолковать кое-что Ирине из Саранска и Лене, про которую известно, что ей 13 лет.

Но пусть спорят, доказывают, растолковывают сами читатели «Барабана»!

И все, кто, как и Наташа Левитская, хочет стать юнкором, могут написать, что они думают о проблемах, затронутых ребятами. А еще, будущий юнкор, запомни: пиши о том, что не дает покоя, волнует и тревожит больше всего.

Ждем писем!

№	Анкета „Барабана“
1	Какая она, твоя компания? Где собирается? Где собираешься, чем развлекается? О чём думает?
2	Кто в твоей компании лидер? Почему?
3	Как обь ты отнесся к тому, чтобы в вашу команду „вписался“ взрослый? Какого взрослого она обь приняла?
4	Напиши, покажуйста, своё имя, фамилию, возраст, если захочешь, адрес.
	Твои ответы на анкету паночут сделать „Барабан“ интереснее, острее.

ПРАВДА, А НЕ КРАСИВЫЕ ЛОВУНКИ

вот что нужно сегодня ребятам. Так считает ветеран партии, делегат III, IV, V, VI съездов комсомола, организатор первых пионерских отрядов в Ленинграде, человек, безвинно пострадавший в годы сталинщины **Евгения Соломоновна РУБИНА**

— Евгения Соломоновна, вы были среди тех, кто стоял у истоков пионерского движения. Те годы так и остались в истории пионерской организации самыми яркими. Когда, по-вашему, была сделана та ошибка, за которую мы сегодня расплачиваемся бездеятельностью многих отрядов, формализмом, равнодушием пионеров?

— В 20-м году я работала организатором райкома комсомола в Московско-Нарвском районе Петрограда. Так тогда называлась должность секретаря. Потом работала на фабрике «Скороход». Стоило нам, комсомольцам, собраться — на митинг ли, на субботник ли, на демонстрацию, как рядом с нами тут же появлялись ребята. Это были наши младшие братья и сестры и дети более старших рабочих. Все им было в новинку, все ужасно увлекательно. Им все время хотелось быть вместе со взрослыми. Но, сказать по правде, не всегда им было интересно слушать наши взрослые разговоры на политзанятиях или участвовать в рабочих собраниях. И понятно — дети ведь! Вот мы и решили тогда как-то их объединить, занять интересным делом.

За Московской заставой, где сейчас станция метро, стоял неподалёку от фабрики «Скороход» старый сарай. И мы с комсомольцами сделали из него детский клуб. Конечно, и ребята

та нам помогали — им тоже хотелось поскорее оборудовать место, где можно будет собраться.

Открыли мы наш клуб «Юный строитель», а как вести работу, никто тогда толком не знал. И стали мы потихоньку ребят «образовывать» — читали им вслух Чехова и Толстого, для многих из них тогда эти писатели были незнакомы. Пели песни, рисовали, агитбригаду создали. Одним словом, что сами умели, тому и учили ребят.

Так постепенно вставал на ноги наш детский клуб. Кому делать нечего, сначала просто из любопытства на огонек заглядывали, а потом приживались.

Эти ребята, конечно, не только пели и рисовали. Они и беспризорников к себе приманивали, и читать-писать неграмотных учили, и в наших комсомольских делах участвовали.

Почти все детские клубы, или базы, как их тогда называли, возникали на предприятиях.

Ну а в тридцатые годы пионерские базы ликвидировали. Отряды и дружины стали организовывать в школах. И учителя постепенно «взяли власть» над пионерами. На долгие годы пионерская организация спряталась за стены школы. Постепенно учителя превращались по существу в вожатых — кто в хороших, а кто и в откровенно плохих. День ото дня пионер-

ская организация теряла свою самостоятельность...

Ошибка, по-моему, началась тогда, когда главным делом ребят стали считать только учебу и этим как бы огородили ребят от проблем, которыми жила вся страна.

Сегодняшнее время чем-то напоминает послереволюционное, и сразу стало заметно, ребята потянулись к взрослым, им хочется быть вместе с ними на митингах, на встречах с народными депутатами и даже... во время забастовок.

— Вы были председателем Северо-Западного бюро детских коммунистических организаций. Теперь, к сожалению, многие ребята даже не знают, где находится городской или районный совет пионерской организации, им и не приходит в голову идти туда за помощью. Комсомольские работники редко бывают в пионерских отрядах, дружинах. А как было в ваше время?

— Тогда в губком комсомола ребята дорогу хорошо знали. Приходили не стесняясь, со своими вопросами, бедами. И мы старались помочь. Особенно нас просили найти хороших вожатых. Вот и бегала вместе с моими товарищами на заводы, фабрики, в институты — искали надежных друзей для ребят. С некоторыми вожатыми тех лет я до сих пор переписываюсь.

Помню свой поход в знаменитую ШКИДу. Там спор разгорелся: можно ли шкидовцев в пионеры принимать? Многие взрослые считали, что нельзя — все-таки бывшие беспризорники, поведением не блещут. А мы, комсомольцы, считали — можно! Раз тянутся ребята к пионерам, хотят делом заниматься, нельзя их отгонять. А оценки неважные и озорство... Что ж... Не это ведь главное.

— Да, это не было главным. Но теперь... К нам приходят десятки горьких и обиженных писем от ребят, которых не приняли в пионеры из-за оставленной дома линейки или из-за беготни на переменах. Их школьные удачи и неудачи стали главным мерилем при вступлении в пионерскую организацию. Ребята пишут, что почти все за них решают учителя — кого в пионеры принимать, какой сбор проводить, куда в поход идти. Не пора ли пионерам начать «борьбу за независимость»?

— Когда мы создавали первые отряды, нам и в голову не приходило, что главным местом их жизни станет школа. Хотя за помощью к педагогам, конечно, обращались. Например, заведующая Петроградским облоно Злата Ионовна Лилина помогала нам обучать вожатых, налаживать контакты с директорами школ. В ту пору в них было много учителей, работавших еще до революции. Их интересовала только учеба. И хотя «кондуитов» уже не было, многие школьные работники рады были сохранить старые порядки.

Поэтому мы стремились, чтобы в каждой школе было крепкое «пионерское ядро», как мы его тогда называли. Ведь в школу приходили ребята, записанные в разные пионерские отряды, каждый мог принести что-то интересное, полезное. Вот мы и хотели, чтобы ребята-пионеры могли как-то повлиять на школьную жизнь, чтобы они принесли в школу дух свободы и демократии.

Сейчас ребятам трудно уйти от опеки учителей — уж слишком много лет она продолжа-

лась. Но надо пробовать. Создавать отряды вне школы, искать вожатых. Мне трудно что-то посоветовать, ведь моя «пионерская жизнь» кончилась еще в 20-х годах.

— Простите, а почему так получилось, что вы, преданный пионерии человек, отошли от ее забот и проблем?

— После 1926 года многих комсомольских работников, начинавших еще при Ленине, сместили с постов. Начинались сталинские времена. Я занялась совсем другим делом. Окончила рабфак, потом Технологический институт, стала химиком. Написала кандидатскую диссертацию, но защитить ее уже не успела — шел 1936 год. После одного горя — убийства Сергея Мироновича Кирова — пришло еще более тяжкое и страшное. Репрессии. И меня как бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ, бывшего члена Петроградского Совета одной из первых выслали из Ленинграда. В обкоме партии нам с мужем сказали: «Выбирайте любой город за Уралом». Мы открыли географическую карту и выбрали Омск. Ни друзей, ни знакомых, ни родственников у нас там не было. Выбрали наугад.

И я, специалист по производству искусственных волокон, стала в Омске специалистом по сельскому хозяйству. Но долго проработать не пришлось. Вскоре ко мне на работу пришли два человека, пригласили поехать с ними. Я думала — на очередную консультацию, ме-

ня часто в колхозы вызывали. Но привезли меня в тюрьму. Дома уже шел обыск. Ни одного документа не оставили — ни мандатов делегата съезда, ни удостоверения члена Петросовета, ни даже паспорта... Партбилет был у меня при себе. Его отобрали уже в тюрьме. Следователь сказал: «Вы поддерживали врага народа Зиновьева, ведь он был председателем Петросовета. Над ним идет суд в Москве». Близко я Зиновьева не знала, хотя как член Совета, конечно, встречалась с ним, да и его жена, Злата Лилина, иногда рассказывала о муже. Ничего дурного я о нем сказать не могла. И за собой вины никакой не чувствовала. Мне не в чем было каяться.

Но самое страшное было не тюрьма и не допросы — дома остались сын и шестимесячная дочка.

Помог муж! Каждый день он ходил к следователю, просил, требовал, доказывал. И случилось чудо. Меня выпустили. Под расписку. Но скоро чудо закончилось — забрали мужа. Такое тогда было время...

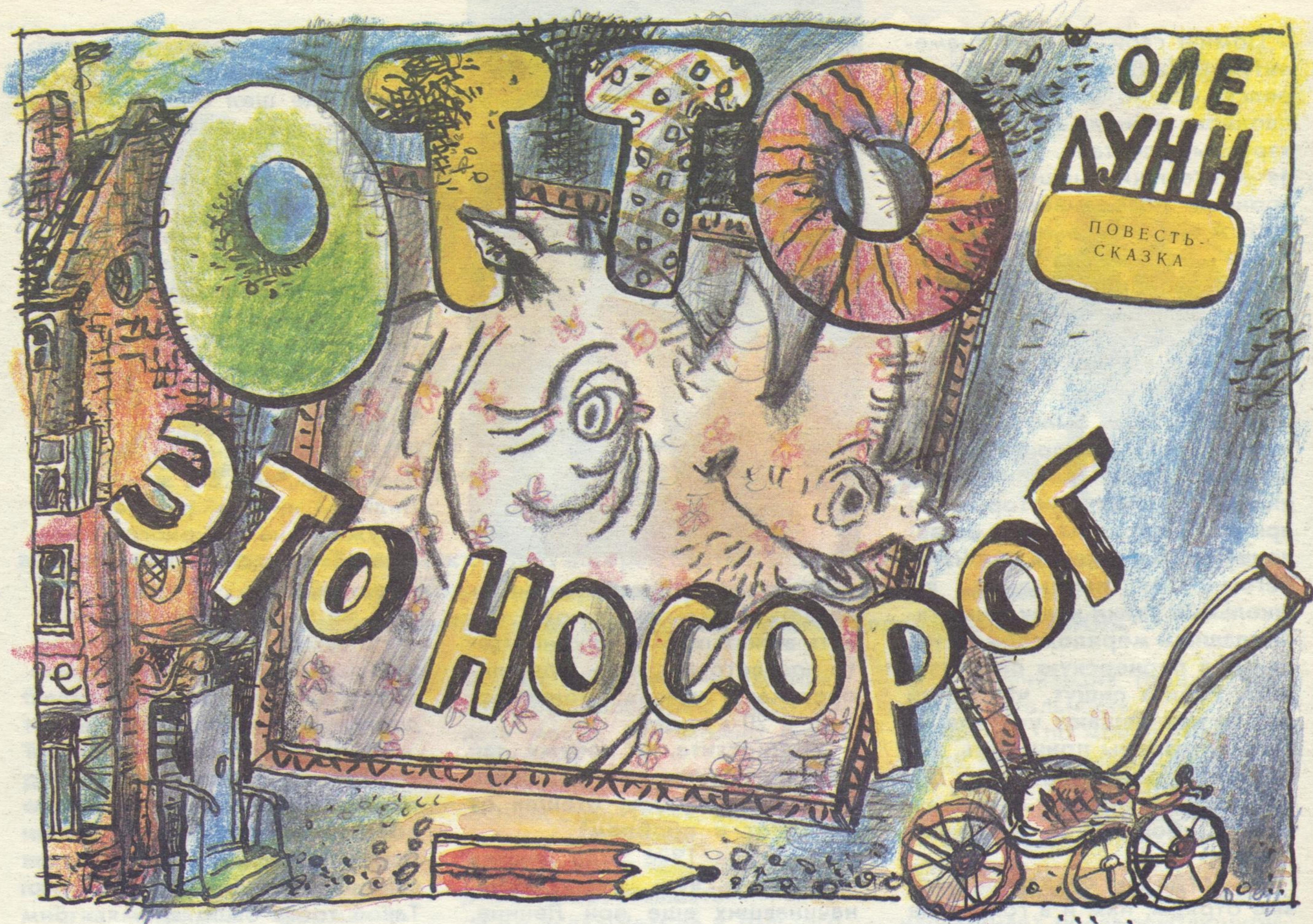
— Евгения Соломоновна, вы нередко встречаетесь с ребятами. Какие вопросы они чаще всего вам задают?

— Раньше меня заученно спрашивали про речь Ленина на III съезде комсомола. Ну, еще про мое участие в гражданской войне. Теперь все чаще спрашивают и о 37-м, о так называемых «врагах народа». И о том, почему был застой. Не на все вопросы я могу ответить. Порой трудно рассказывать о пережитом.

Однажды один мальчик спросил: «Почему взрослые не рассказывали нам правду о Сталине, о людях, которых он замучил? Почему молчали столько лет?» Я не знала, как ответить. И сейчас не знаю, как рассказывать ребятам об этом страшном прошлом...

Но, наверное, это надо делать. Чтобы поняли: защищать нужно только правду, а не красивые лозунги. Наверное, это и есть главное дело пионеров. Главное дело всех.

С. Е. С. РУБИНОЙ
беседовала М. БАСИНА

Рисунки О. Филипенко

Глава 1

Топпер — так звали одного мальчика, и уж никак не скажешь, что он был красив.

Волосы у Топпера были рыже-каштановые, почти как ржавое железо, и такие густые и жесткие, что маме приходилось причесывать его граблями, когда ему надо было выглядеть чуточку опрятнее.

Все его лицо было усеяно веснушками, а его единственный передний зуб так и торчал изо рта.

Топпер жил в красном доме, наискосок от гавани.

Красный дом, большой и старый, был полон скрипучих ступенек и перекошенных дверей.

Зимой в погребе жили мыши, а летом в дымовой трубе обитали сороки.

Остальную часть года дом был полон взрослых, детей и полосатых котят.

Топпер очень любил большой красный дом и, возвращаясь из школы, часто говорил ему:

— Привет, дом! Верно, хорошая погода?

И ему казалось, что у дома очень довольный вид, такой довольный, какой только может быть у дома, если его стены не дают трещин.

Выше всех, под самой крышей, жил управляющий — господин Хольм.

В обязанности господина Хольма входило присматривать за этим большим домом и заботиться о том, чтобы людям жилось там хорошо и спокойно.

Он курил коротенькую изогнутую трубку и мог рассказывать удивительные истории о привидениях, ведьмах и людоедах, так что у слушателей мороз пробегал по коже.

Сам господин Хольм был низенький, кругленький и дородный человечек с седыми усиками. И он вовсе не был людоедом, а ел только обыкновенную пищу — например, бифштексы, жареную сельдь, похлебку из пива с черным хлебом, а иногда — шоколадный пудинг.

Маленькую изогнутую трубку он называл «носогрейкой» и вынимал изо рта только когда ел или рассказывал страшные истории.

— Он, наверное, спит с этой носогрейкой даже ночью, — сказал Топперу его друг Вигго. — Мой отец говорит, что нельзя спать с трубкой во рту, потому что весь табак высыпается тогда в кровать. Мой отец умный и все знает.

— Да, — произнес Топпер, — да, вполне возможно.

Но в глубине души он думал, что господин Хольм, верно, знает об этом гораздо больше. И

Топпер решил в один из ближайших дней спросить его про трубку, но чтобы ни Вигго, ни его умный отец ничего об этом не знали.

Умного отца Вигго звали господин Леве.

В самом низу красного дома он содержал кафе. Кафе называлось «Голубой морской кот», и каждый вечер там полно было рыбаков и матросов, которые ели рагу и запивали его водкой.

Сам же Топпер жил в центре красного дома.

Он жил там вместе с мамой, которая продавала рыбу в погребе на другой стороне гавани. Она умела петь, его мамаша, так, что дребезжали стекла, а рыбы били хвостами от страха.

Отец Топпера был моряком.

Он бороздил волны морей и бывал дома только один раз в году.

Иногда в школе Топпер рассказывал учительнице и другим ребятам про своего отца.

— Мой отец, — говорил Топпер, — заправский моряк. Он плавает по морям, и у него — вставная челюсть.

— А что такое вставная челюсть? — спрашивали ребята.

— Да ну же! — говорила учительница, слегка поправляя очки. — Вставная челюсть, это когда можно вынимать зубы изо рта.

— Ой-й! — удивлялись ребята. — А может твой отец, Топпер, вынимать зубы изо рта?

— Ясное дело, может, — с гордым видом отвечал Топпер. — Однажды, когда на море была буря, он вынул челюсть, чтобы немножко на нее полюбоваться, и вдруг уронил ее вниз, в волны. «Плюх!» — булькнула челюсть и исчезла.

— Подумать только! — сказали ребята. — Она в самом деле булькнула «плюх»?

— Да, — гордо подтвердил Топпер, — раздавалось громкое «плюх», и отец остался без зубов. Долгое время пришлось ему довольствоваться супом и манной кашей на воде.

Ребята во все глаза смотрели на Топпера.

— Пфф! — произнес кое-кто из них. — Не очень-то повезло твоему отцу.

— Да, — согласился Топпер. — Ужасное было для него время! В конце концов с ним приключилась с досады золотая лихорадка.

— Боже ты мой, — вздохнула учительница, — золотая лихорадка!

— Да, — гордо подтвердил Топпер. — Еще какая! Но теперь он снова в порядке. Вместо этой золотой лихорадки он заводит себе девушку в каждом порту.

У учительницы чуть не свалились с носа очки.

— Так, — сказала она. — Теперь давайте писать. А о папе Топпера послушаем поподробней в другой раз.

Дети склонились над тетрадами и начали писать кто как мог.

Но они неотрывно думали об отце Топпера и о его удивительных зубах, которые можно вынимать изо рта.

И надеялись, что когда-нибудь, когда он вернется из дальнего плавания, они смогут хорошенько разглядеть его.

В большом красном доме жила также одна пожилая дама.

Звали ее фру Флора, и у не была длинная желтая слуховая трубка, потому что слышала она ужасно плохо.

На ее балконе стояло множество горшков с красивыми цветами и маленьких клеток с хорошенькими зелеными птичками.

— Красивее цветов ничего на свете нет, — говорила она господину Хольму, когда он, бывало, спускался вниз по лестнице, чтобы немного подмести тротуар перед домом.

— Да, это правда, — отвечал господин Хольм, покуривая носогрейку. — Цветы, честное слово, — самое лучшее, что есть на свете. Ну разве что еще чашечка кофе.

— Что вы сказали? — спрашивала фру Флора, тыча желтой слуховой трубкой в господина Хольма.

— КОФЕ! — кричал господин Хольм.

— О да! Кофе — тоже прекрасно, — произносила фру Флора. — Может, выпьете чашечку кофе, господин Хольм?

Господин Хольм кивал головой и говорил:

— Да, огромное спасибо! Но это у вас слишком!

— Слишком? — повторяла фру Флора, улыбаясь ему. — Нет, слишком много я вам не налью. Зайдите ко мне.

Вот так частенько беседовали друг с другом господин Хольм и фру Флора о цветах и кофе. И, по правде говоря, господин Хольм был чрезвычайно доволен этими разговорами.

Почти каждый день он и фру Флора сживали на балконе среди больших красивых цветов и маленьких хорошеньких птичек и были счастливы, попивая теплый кофе.

— Такой славный человек, как вы, господин Хольм... — говорила фру Флора. — Такой славный человек должен был бы приглядеть себе милую женушку, да!

— Да, — отвечал господин Хольм. — Нам бы с вами следовало пожениться!

— Отравиться! — восклицала фру Флора, прихвываясь к кофейнику. — Вам кажется, что в кофе яд? Да нет же, не бойтесь, мой добрый управляющий. Это настоящий кофе с острова Явы.

— Хм! — хмыкал чуть сконфуженный господин Хольм. — Ваше здоровье, фру Флора!

А про себя думал: «В один прекрасный день я напишу ей письмо. В письме будут такие слова: «ВЫХОДИТЕ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ, МИЛЕЙШАЯ ФРУ ФЛОРА». Уж это-то письмо, она, верно, поймет, эта милая старая ослица».

Вот так все и было в большом красном доме у самой гавани и такие люди там жили.

А сейчас самое время послушать о тех удивительных делах, которые там творились.

Глава 2

Топпер был коллекционером.

Он собирал всевозможные вещи и предметы. А большей частью такие мелочи, которые можно носить в карманах и дарить добрым друзьям.

Зимой, правда, не много найдешь, но лето — самое прекрасное время для коллекционера.

Летом Топпер находил и птенцов, и штопоры, которыми открывают пиво, и круглые белые камешки. Он находил жуков с голубыми крылышками и больших мягких зеленых гусениц. А однажды нашел даже заржавевшую детскую коляску на трех колесах.

Детская коляска была одной из лучших находок Топпера тем летом.

Он и Вигго называли коляску «ХРОМУЛЯ» и попеременно возили в ней друг друга в школу.

Но однажды, когда Топпер прикатил Вигго в детской коляске, он увидел вдруг свою невесту, потому что у него тоже, к его стыду, была невеста.

Звали ее Силле, и она была ужасно красивая.

— Привет, Силле! — крикнул Топпер и замахал ей обеими руками. — Ты видала ХРОМУЛЮ?

— Какую еще хромулю? — спросила Силле, подъезжавшая на своем маленьком желтом велосипеде.

— Хромуля — это наша детская коляска, — заявил Топпер, указав большим пальцем через плечо.

— Ты рехнулся! — заявила Силле и поехала дальше. — Я, во всяком случае, не вижу тут никаких хромых детских колясок.

— Ну, — протянул со сконфуженным видом Топпер. — Нет, этого не может быть.

Он повернулся, чтобы подтолкнуть Хромулю, но детская коляска бесследно исчезла.

«Чудно! — подумал Топпер, оглядевшись по сторонам. — Но может, она сама поехала в школу вместе с Вигго?»

Он, было, двинулся в путь, но не прошел и нескольких шагов, как внезапно услышал очень злой голос за изгородью из терновника:

— Это еще что такое! — кричал злой голос. — Разве это не детская коляска въехала прямо на мою клумбу? Никогда ничего подобного я не видел! И разве не сидит в ней большой мальчишка?

— Угу, — пробормотал голос Вигго из самой середины клумбы за изгородью из терновника.

— Как ты угодил прямо ко мне на клумбу? — визжал злой голос.

— Эх, — ответил Вигго. — Меня угораздило въехать прямо через изгородь.

— Хе-е, страшнее наглости мне видеть не доводилось! — кричал злой голос. — А теперь я скажу тебе кое-что: это тебе не площадка для игр!

— Нет! — пробормотал Вигго. — К счастью!

— Здесь, — продолжал кричать злой голос, — красивый ухоженный сад!

— Да, — подтвердил Вигго. — И мне хотелось бы поскорее из него убраться.

— Поскорее! — воскликнул голос. — Ты сказал: «Поскорее!» Да, ты и в самом деле можешь убраться, милый мой дружок!

«Вот чудно, — подумал Топпер. — Теперь он называет его «милый мой дружок». Ведь милых дружков нельзя так ругать...»

Не успел Топпер хорошенько подумать о том, можно или нельзя ругать милых дружков, как Вигго со страшной силой перелетел через изгородь

из терновника — а следом за ним с грохотом последовала Хромуля.

— Ой, — простонал Вигго.

— Тебе больно? — спросил Топпер, помогая Вигго подняться на ноги.

— Ой! — снова простонал Вигго. — Почему ты отошел от коляски?

Топпер почесал свою рыже-ржавую шевелюру.

— М-да-а... — протянул он. — Видишь ли, она — Силле как раз проезжала мимо, и мне показалось, что надо бы с ней поздороваться и тому подобное...

— Ой! — простонал Вигго, вытаскивая несколько колючек из штанов чуть пониже спины. — Вот что получается из всего этого жениховства. Учти, в дальнейшем Хромулю буду толкать я.

— Хорошо, — согласился Топпер, — очень хорошо.

В самом деле, такое распределение обязанностей очень понравилось Топперу.

Но самому себе он признался, что все это жениховство вовсе не было таким уж дурацким.

— Знаешь что, Вигго, — сказал Топпер. — Тебе бы тоже не мешало завести себе невесту.

— Бр-р-р! — ответил Вигго. — Ты рехнулся, старик!

— Да, — согласился Топпер. — Вполне возможно.

И довольный, издавая какой-то причудливый свист, откинулся назад в детской коляске под названием Хромуля.

— Что ты делаешь? — испуганно спросил Вигго, останавливая коляску.

— Играю на флейте, — ответил Топпер. Все его лицо расплылось в улыбке. — Играю на флейте, милый мой дружок.

— Тьфу!

Глава 3

Детская коляска Хромуля поистине оказалась удачной находкой.

Во всяком случае, для Топпера.

Он ничуть не возражал против того, чтобы Вигго толкал ХРОМУЛЮ. И каждый день сидел в детской коляске и насвистывал.

А иногда, когда ему особенно везло, он махал рукой своей невесте Силле, пролетавшей мимо на низеньком желтом велосипеде.

Но вот настали летние каникулы. Учительница заперла двери школы и повесила объявление:

Школа

закрита по причине лета.

Учительница

Вот что было написано в объявлении.

— М-да, — сказал Топпер, слегка вздохматив свои густые рыже-ржавые волосы. — Это не так чтоб уж очень хорошо.

— Не-е-е, — не согласился с ним Вигго. Вид у него был очень довольный. — Нам наверняка очень повезло.

И они помчались домой праздновать каникулы.

Несколько дней спустя Топпер нашел кое-что получше детской коляски.

То был карандаш.

Топпер нашел его рано-рано утром на берегу возле гавани, когда провожал маму в рыбный погреб, где она распевала песни и торговала рыбой.

Правда, это был всего лишь огрызок карандаша — одного из тех, которыми пользуются плотники, когда помечают бревна.

— Молодец! — сказал Топпер и сунул карандаш в карман. — Да я и вправду везучий парень! Всегда мечтал о таком карандаше.

Он побрел дальше, сунув руку глубоко в карман и придерживая свой новый карандаш. Подойдя к длинной белой стене за крытым рыбным рынком, он внезапно остановился.

«Хе, — подумал он, оглянувшись по сторонам. — Такой карандаш наверняка хорошо пишет. Напишу-ка я кое-что на этой стене. Что-нибудь хорошее и красивое».

Он немного подумал, что бы такое хорошее и красивое написать на стене.

И написал:

«СИЛЛЕ
Я ЛЮБЛЮ
ТЕБЯ»

— Молодец! — сказал он самому себе. — Довольно красиво. Только бы Силле проехала мимо и увидела эту надпись.

В тот же миг чуть подалее на дороге послышался какой-то звук. Этот звук издавал велосипед, который быстро мчался по гравию и мелким камешкам.

Топперу почти явственно почудилось, что шум был такой же, какой издает на большой скорости тот маленький желтый велосипед.

«Боже мой! — подумал он, и большой ком подкатил у него к горлу. — Это она. Это она».

Он круто обернулся и плотно прислонился спиной к стене в том месте, где сделал надпись.

— Привет! — воскликнула Силле и так резко затормозила, что мелкие камешки брызнули в разные стороны. — Привет, Топпер! Что ты тут такое пишешь?

— Хе-е, — пробормотал он, и еще более крупный ком застрял у него в горле. — Да ничего особенного, Силле. Так, всего лишь несколько букв и что-то еще в этом роде.

— Топпер, — сказала Силле и швырнула свой маленький желтый велосипед к стене. — Знаешь, что я думаю...

— Не-е-е, — пробормотал Топпер, — не знаю.

— Я думаю, ты написал что-то ужасно дерзкое, — заявила Силле. — Потому что лицо у тебя так и пылает.

— Неужели? — испугался Топпер и попробовал стать чуточку бледнее.

— Вот что, — сказала Силле. — Я очень хочу посмотреть, что ты написал. Неважно даже, если что-то дерзкое.

— Да, но, — забормотал Топпер, глотнув немного воздуха. — Я... э... пишу не очень красиво, Силле. Скорее, чуточку уродливо.

— Разве? — спросила, подойдя к нему, Силле.

— Безобразно! — воскликнул Топпер, замахав руками. — Я пишу ужасно коряво, уродливо и противно. У тебя в глазах потемнеет, если ты увидишь мой почерк.

— Неважно, — заметила Силле. — Дай мне все-таки посмотреть.

И она оттолкнула Топпера от стены.

«Сейчас, — глубоко вздохнув, подумал он, — сейчас она увидит надпись и, может, страшно разозлится. Только бы она не стала царапаться. Или кусаться».

Силле немного постояла, глядя на стену.

— Топпер, — сказала она, — ты рехнулся!

— Да ну, — пробормотал Топпер, — это я хорошо знаю, но мне кажется, что это довольно красиво.

— Что красиво? — спросила Силле.

— Да надпись на стене, — ответил Топпер, указав большим пальцем через плечо.

— Интересно, Топпер, — улынувшись, сказала Силле, — ведь на стене вообще ничего не написано.

Медленно повернув голову, Топпер посмотрел на стену: ВСЕ БУКВЫ ИСЧЕЗЛИ. Прекрасные слова, которые он написал для Силле, бесследно исчезли.

Остались лишь белая известковая стена, а на ней маленькая голубоватая тень Силле.

— Здорово ты меня обманул, — сказала Силле. — А я-то думала, ты написал что-то ужасно дерзкое обо мне и о себе.

И, вскочив на велосипед, склонилась над рулем и, грохоча колесами, помчалась вниз, к гавани.

Топпер остался, освещаемый лучами утреннего солнца, и глядел ей вслед, пока она не скрылась за несколькими черными просмоленными деревянными домами.

«Черт побери! — подумал он, ощупывая в кармане огрызок карандаша. — Какая-то мистика! Да и просто чудно. Может, с этим карандашом что-то случилось? Пожалуй, попробую-ка я написать еще что-нибудь».

На этот раз он написал:

СИЛЛЕ —
БРОДЯЖКА НА ВЕЛОСИПЕДЕ

«Потому что она в самом деле такая», — подумал Топпер.

— ХРУП, ХРАП, — произнес кто-то в тот же миг.

И не успел Топпер обернуться, как Силле снова прогрохотала мимо.

Единственное, что он успел заметить, это крысиный хвостик на ее голове, который развевался на ветру и пылил следом за желтым велосипедом.

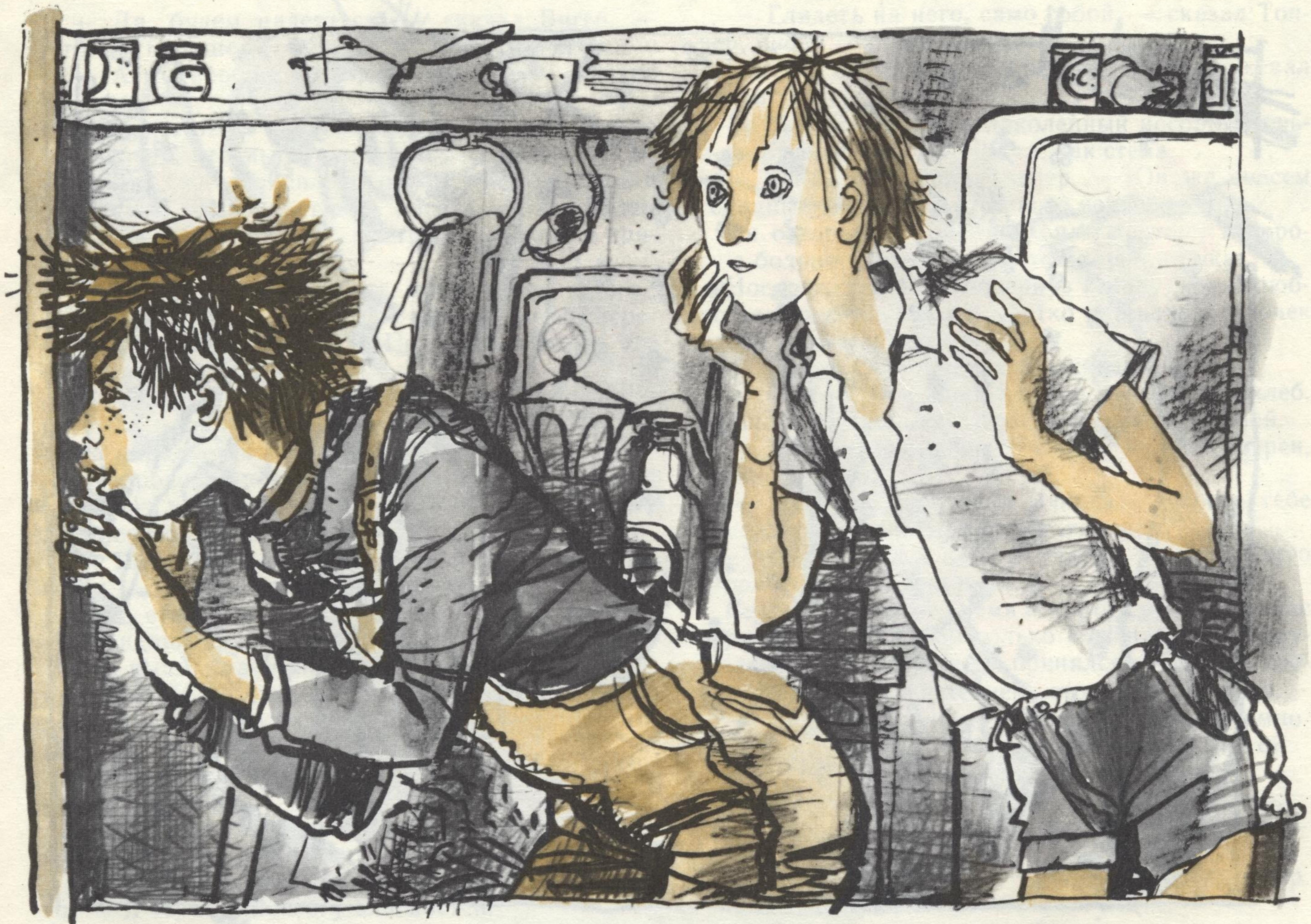
И когда он, второй раз за этот день, обернулся посмотреть, что он написал о ней на белой стене, затылок его медленно оцепенел от удивления.

НА СТЕНЕ РОВНО НИЧЕГО НЕ БЫЛО.

Не было ни одной буквы.

Была лишь одна белая, залитая солнцем стена, а вокруг пахло травой, смолой и свежеевыкрашенными рыбацкими лодками.

— Этот карандаш, — сказал Топпер, держа его перед собой, — самый удивительный карандаш,

который я когда-либо видел. Вигго должен непременно взглянуть на него.

И Топпер побежал в город искать друга.

Глава 4

Вигго, стоя у дверей кафе «СИНИЙ МОРСКОЙ КОТ», красил детскую коляску в красный цвет.

— Посмотри, — закричал издали Топпер, размахивая руками, — посмотри, что я нашел!

Вигго от испуга посадил на брюки большое пятно красной краски.

— Вот! — заорал запыхавшийся Топпер и сунул карандаш прямо под нос Вигго. — Скажешь, ты когда-нибудь видел такой карандаш, а, Вигго?

— Уфф! — выдохнул Вигго и яростно стер краску с брюк. — Ну и разозлится же мама!

— Нет, не разозлится, — решил Топпер, сжимая в пальцах карандаш. — Потому что она никогда ничего не узнает об этом удивительном супер-карандаше.

— М-да, — сказал Вигго. — Но она кое-что узнает про пятна на моих брюках.

— К черту эти пятна, — заявил Топпер. — Мы выкрасим твои брюки целиком в красный цвет. Краски хватит.

— Тогда она еще больше разозлится, — пискнул Вигго.

— Ну что ж, — сказал Топпер. — Может, ее вообще не интересует краска? Тут уж ничего не поделаешь. Но ты хоть как следует разглядел, что у меня в руках, Вигго-старина?

— О, всего-навсего какой-то нелепый карандаш, — ответил Вигго и кисло обругал Топпера. — Ты тут бегаешь и только сбиваешь с толку людей своей болтовней о каких-то там карандашах!

И он снова взялся за кисть.

— Да ну же, добрый мой старина Вигго, — сказал Топпер, — это вовсе не обыкновенный карандаш.

— Все карандаши — обыкновенные, — брюзгливо заметил Вигго. — Это говорит даже мой отец. Он говорит: «Все карандаши абсолютно одинаковые, обыкновенные».

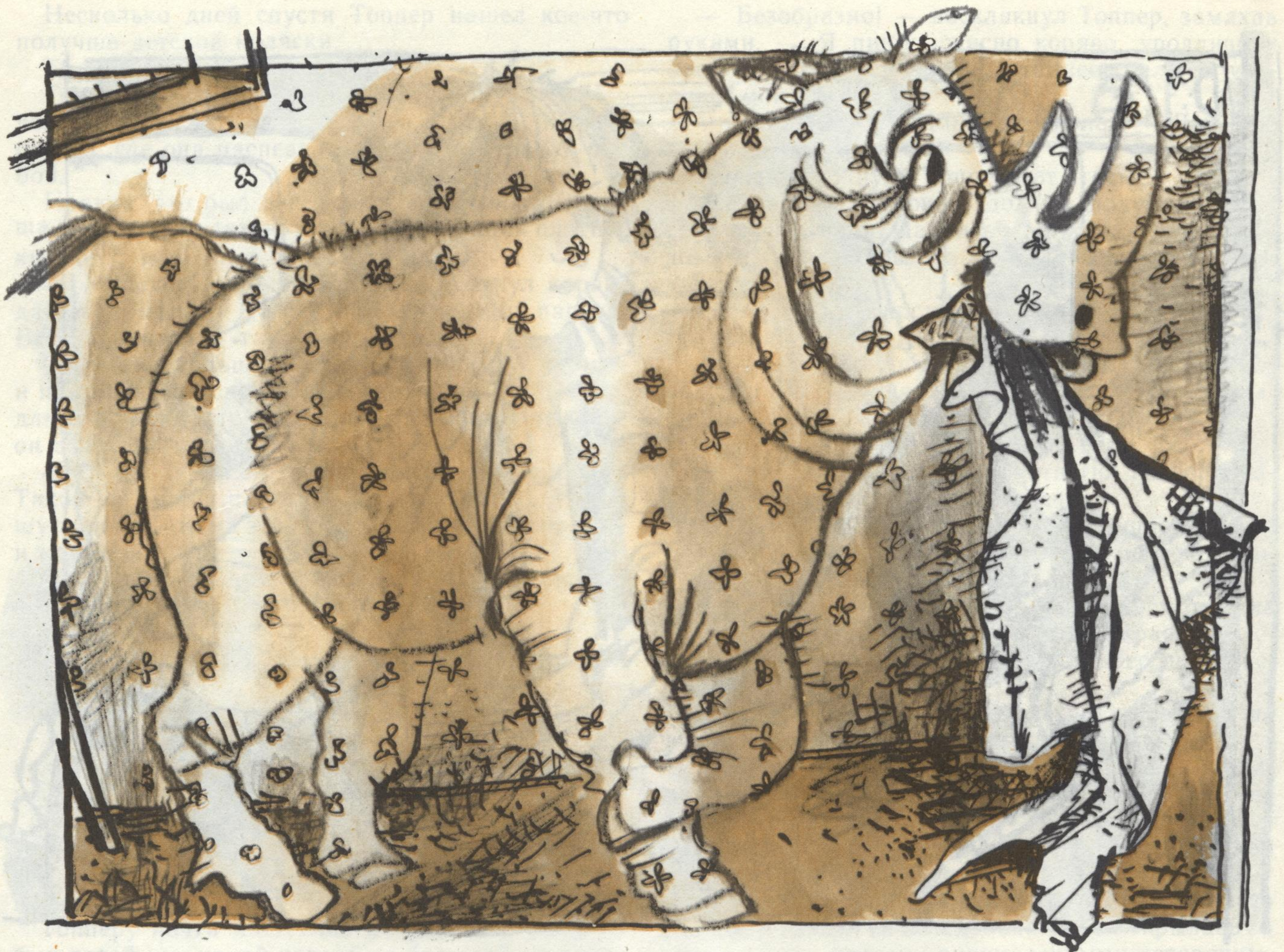
— Хо-хо! — ухмыльнулся Топпер. — Он все-таки совсем не такой умный, потому что, знаешь ли ты, Вигго, что это за карандаш? Это — заколдованный карандаш!

— Катись ты... — сказал Вигго.

— Когда пишешь этим карандашом, — продолжал Топпер, — то все, что ты написал, почти тут же исчезает.

— Да, — кисло подтвердил Вигго, — с помощью резинки для карандаша.

— Нет! — радостно воскликнул Топпер. — Фиг, мой маленький Вигго! Без помощи резинки для карандаша или чего-либо еще.

Вигго посадил новое пятно краски на брюки.

— Исчезает без помощи резинки? — спросил он и недоверчиво взглянул на Топпера. — Об этом надо рассказать отцу...

— Эй ты, стоп! — остановил его Топпер, схватив Вигго за шиворот. — Об этом карандаше не должен знать никто, кроме нас с тобой.

— О таком карандаше я никогда раньше не слышал, — сказал Вигго. — Ты уверен, что когда им пишешь, все исчезает?

— Само собой, — ответил Топпер. — Я пробовал. Все исчезает неизвестно куда.

— Пойдем, мы поднимемся ко мне и проверим. И он отправился домой вместе с Вигго.

На лестнице они встретили управляющего, господина Хольма, который как раз спускался вниз.

— Здравствуйте, мальчики! — поздоровался господин Хольм. — Хотите послушать по-настоящему интересную жуткую историю?

— Нет, — ответили мальчики и помчались дальше.

— Что?! — удивился господин Хольм. — Ведь обычно вы просто помешаны на разных историях и охотно их слушаете!

— Не сегодня! — закричал Топпер. — Нам надо писать карандашом.

— Боже ты мой! — вздохнул господин Хольм. — Писать! В жизни не слышал такой ерунды. Да, да, дети становятся теперь все чуднее и чуднее. Во времена моего детства мы, по правде говоря, писали только тогда, когда учитель драл нас за уши.

— Да, может быть! — воскликнули мальчишки и исчезли в квартире Топпера.

В комнате Топпера висело множество удивительных вещей — как под потолком, так и на стенах. Все это были вещи, которые его отец привозил домой из морских плаваний.

Там висели чучела крокодилов и плоские, запыленные змеиные шкуры, похожие на серую оберточную бумагу. Там висели кривые сабли, и пустые кокосовые орехи, и маленькие фигурки, вырезанные из дерева.

Вигго нервно покосился на крокодилов.

— Где мы будем писать? — спросил он.

— Да-а, давай посмотрим, — сказал Топпер. — Может, нам использовать обои?

— Обои, — с еще более испуганным видом застонал Вигго. — Твоя мать сойдет с ума.

— Нет, — заявил Топпер. — Моя мама никогда не сойдет с ума. А кроме того, на обоях все тут же исчезнет снова.

— Да, будем надеяться, — сказал Вигго. — Что мы напишем?

— А мы вообще не станем писать, — ответил Топпер.

— Как это? — удивился Вигго. Ты ведь только что сказал, что мы будем писать на обоях.

— Ага, — согласился Топпер. — Но теперь я передумал. Мы не станем писать — мы будем рисовать. Мы нарисуем гигантского носорога прямо здесь, на этом месте.

И он принялся рисовать носорога.

— Не нравится мне это, — заявил Вигго, переминаясь с ноги на ногу. — Подумай, а вдруг это не сойдет?

— А, плевать, — сказал Топпер. — Это неважно, ведь я хорошо рисую носорогов. По мне, так мама обрадуется такому рисунку.

Он продолжал рисовать, и постепенно Вигго пришлось признать, что носорог и в самом деле получился довольно миленький.

— Так, — сказал Топпер, когда рисунок был готов. — Теперь пойдем на кухню и выпьем четыре-пять стаканов содовой воды. А когда вернемся, увидишь кое-что забавное, Вигго.

Они вышли на кухню и достали содовую и черный хлеб. Но только они сделали глоток содовой, как услышали вдруг из комнаты какой-то странный звук.

— Послушай-ка, — прошептал Вигго. — Какой-то звук.

— Погляди, что там такое, — попросил Топпер. — Рот его был набит хлебом.

— Может, что-нибудь опасное? — ответил Вигго. — Я терпеть не могу опасностей.

Но все же осторожно заглянул в дверную щелочку. И тут же с грохотом захлопнул дверь.

— Топпер, — прошептал он. — Он еще там.

— Ах, так, — сказал Топпер, делая большой глоток. — Тогда подождем еще немного.

— Ладно, Топпер, — прошептал Вигго. — Но там что-то совсем другое.

— Что еще другое? — спросил Топпер.

— Он... он подмигнул, — прошептал Вигго.

— Хе! — воскликнул Топпер. — Подмигнул! Я должен сам взглянуть!

Соскочив с кухонного стола, он отворил дверь.

— Хо! — вскричал Топпер. — Твоя правда, Вигго, он подмигивает! Тьфу ты, никогда в жизни не видел нарисованного носорога, который бы подмигивал, — это ужасно смешно.

— Мне это не кажется! — возразил Вигго.

В тот же миг носорог на обоях издал громкий грохочущий звук и замотал головой.

— На помощь! — высоко подпрыгнув, воскликнул Вигго.

— Тс-с-с, тихо! — предупредил Топпер. — Ты ведь так кричишь, что он испугается. Эй, носорог!

— Грумп, хорк, — сказал носорог.

И ТУТ ЖЕ СТУПИЛ ПРЯМО НА ПОЛ.

Вигго быстрым движением захлопнул дверь.

— Что... что нам делать? — прошептал он.

— Глядеть на него, само собой, — сказал Топпер, снова отворяя дверь.

Носорог подошел уже к окну и, стоя там, жевал занавеску.

То был огромный, великолепный носорог, точь-в-точь такого желтого цвета, как стена.

— Ой-й! — заорал Топпер. — Он же совсем голодный. Дадим ему немного черного хлеба.

Он осторожно приблизился к желтому носорогу с большим толстым ломтем хлеба в руках.

Носорог, медленно повернув голову, дружелюбно взглянул на него и кротко отщипнул кусочек хлеба прямо у него из рук.

— Грумп, хонк, хорк, — сказал он.

— Ого! — вскричал Топпер. — Он ест хлеб. Принеси побольше, Вигго. И бутылку содовой.

— Хм, — засомневался Вигго. — Я не уверен, можно ли это.

— Вигго, — настаивал Топпер. — Может, тебе хочется, чтобы наш носорог голодал?

— Ой, нет, ни в коем случае, — сказал Вигго и принес хлеб и содовую.

Спустя некоторое время носорог съел весь запас черного хлеба, какой только был на кухне. Дружелюбно похрюкивая, он принялся уписывать горшок с каким-то растением, стоявший на полу.

— Ну и ну, парень, — сказал Топпер. — Он много ест, этот малый. Как мы назовем его, Вигго?

— Э-э-э, — протянул Вигго и задумался.

— Тебе решать это, Вигго, — сказал Топпер.

— Э-э-э, — повторил Вигго и еще сильнее задумался.

— Как зовут твоего отца? — спросил Топпер.

— Его зовут Отто! — ответил Вигго.

— Отто! — воскликнул Топпер и похлопал носорога по толстому заду. — Тебя будут звать Отто, старина!

— Грумп! — сказал носорог.

И принялся пожирать обивку кресла.

— Надо раздобыть ему побольше еды, — сказал Топпер. — Я смотаюсь на берег к маме и возьму деньги на десять буханок черного хлеба.

— Эх! — вздохнул Вигго, нервно теребя ручку двери. — Нельзя ли мне сбегать вместо тебя, Топпер? Мне не по душе оставаться одному с этим Отто.

— Ладно, — согласился Топпер. — Можешь этим заняться. Но спеши, пока он не сожрал всю мебель.

Вигго не заставил повторять эти слова дважды. Он вихрем промчался по лестнице, чуть не переломав себе руки и ноги. У входных дверей он с разбегу ткнулся прямо в живот своему отцу.

— Послушай-ка, — хрюкнул господин Леве, глядя вслед сыну. — Что за спешка, парень?

— Мне надо принести хлеб носорогу! — закричал Вигго и мгновенно исчез.

— Хлеб для носорога, — кисло пробормотал господин Леве. — Хотел бы я знать, что теперь придумали эти маленькие плутишки. Надо смотреть за ними в оба.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОБОТЛАНДИИ

На берегу Плещеева озера

Оля.

Оля выписывала «Костер» два года. Журнал обычно читал и ее папа. Однажды папа взял журнал в руки и удивленно сказал:

— Оля! Смотри, как интересно. Путешествие в Роботландию!

Сначала Олю это не очень заинтересовало. Ну, папа, понятно, — он инженер и все время возится с какими-то компьютерами. Оля несколько раз даже была у него на работе и сама смотрела на экран, иногда нажимала кнопки, а порой — если ей разрешали — даже играла. Но все это так, несерьезно.

Однако «Путешествие в Роботландию» она стала читать внимательно.

А потом уже Оля с нетерпением ждала каждого номера журнала: ведь там ее ждали вести из Роботландии. Прочитав их внимательно, Оля садилась за ответ. Не все у нее получалось сразу. Например, над задачей с красными и зелеными паровозиками Оля мучилась два дня. Но все-таки решила.

Однако Оля совсем не предполагала, что случится дальше. Летом она собиралась поехать из Краснодара, где жила с родителями, в Ленинград. Она долго мечтала об этом путешествии.

И вдруг — письмо. Петя Кук пригласил Олю на берег Плещеева озера в Роботландию — страну умных компьютеров. Много лестных слов было в Петинем письме, оказалось, что письма Оли Солдатенко были одни из лучших и больше всего понравились Пете Куку.

И как ни жалко было Оле Ленинграда, Роботландия влекла неудержимо.

Роботландия.

Сначала Оля не нашла в Роботландии ничего особенного: подумаешь, обычный пионерский лагерь. Белые корпуса в сосновом лесу, на берегу Плещеева озера. И озеро мелкое, и дно песчаное, а чтобы поплавать, надо идти далеко-далеко. Рядом с озером — болото, там водились лягушки, и когда Оля проходила мимо, они противно квакали. Вместе с Олей в палате жили три девочки из Америки — Джесси, Тэйлор и Лиз. Они ни слова не знали по-русски. Особенно Олю поразила Тэйлор — очень боевая, смелая девочка. Она совсем не боялась лягушек, специально ходила за ними на болото и даже иногда приносила в палату. Оле это совсем не нравилось.

Но как волшебным образом все изменилось буквально через пару дней! Начались занятия на компьютерах. Таких умных компьютеров Оля не видела даже у папы на работе. Такими

яркими, чистыми цветами можно было рисовать на экране, и музыку с его помощью сочинять, и еще много всякого!

И преподаватели-роботландцы совсем не походили на школьных учителей. Их никто даже не называл по имени-отчеству. Просто Саша, Яша, Миша и Холли и Норма из Америки. И когда ребята гроздьями висли у них на руках, никто не сердился.

И занятия были не то что в школе. Для лентяев одно удовольствие: хочешь учишься, а хочешь нет. Вместо того чтобы сидеть в классе перед компьютером, вполне можно было пойти в лес, или купаться, или поиграть в волейбол или теннис. Никто тебе и слова не скажет! Но, как ни странно, большинство, и Оля в том числе, никак не могли оторваться от компьютера — так им было интересно.

И уроки можно было выбирать по душе. Оля сразу записалась на «Введение в информатику», которое вел Саша, или, по-взрослому, — Александр Александрович Дуванов. Почти все ребята из ее группы обращались с компьютером лучше ее. Еще бы — большинство из них — из Переславля-Залесского, можно сказать, в самой Роботландии живут и путешествуют по ней целый учебный год. Но Оля не унывала: она была старательной и честолюбивой и скоро догнала коренных роботландцев.

Скоро Оля была уже на короткой ноге с Буквоедом, Раскрашкой, Перевозчиком и другими обитателями Роботландии. А задачи про красные и зеленые паровозики (одна из них дома доставила ей столько мучений) она щелкала теперь, как орешки.

Многим ребятам больше всего нравилось играть на компьютерах, и они с нетерпением ждали вечера, когда можно было вызвать крыс и кроликов, которые гонялись по роботландским лабиринтам.

А Оля полюбила совсем другое. Больше всего ей понравилось редактировать и выпускать книжки. За несколько недель в Роботландии она стала главным редактором и издателем «Роботлашек». Ну, кто еще может похвалиться тем, что в двенадцать лет он стал главным редактором?

В предисловии к «Роботлашкам» Оля написала: «Дорогой читатель! Перед тобой сборник сказок, который написан ребятами из Международного детского компьютерного лагеря. Они писали его на берегу Плещеева озера в то время, когда не охотились на привидений, не ели мороженого, не играли на компьютере, не разговаривали с мертвецами, не копались в луже, не посещали занятий и не делали многого другого. Вот тогда мы писали «Роботлашки».

Каждый из ребят сочинил сказку и набрал ее на экране компьютера.

Оля напечатала много-много книжечек-«Роботлашек» и раздала их всем ребятам.

И с соседками по палате — Джесси, Тэйлор и Лиз — Оля быстро нашла общий язык и подружилась. По английскому у нее всегда была в школе пятерка, и она все поняла, когда Джесси сказала, что скоро ее день рождения (Джесси маленькая, ей только десять исполнилось), или когда Тэйлор с гордостью сообщила, что чуть было не поймала в лесу ежа.

Почти каждый день американские преподавательницы Холли и Норма показывали ребятам видеофильмы. Когда они путешествовали по Переславлю-Залесскому, Загорску, Владимиру, Суздалию, они все снимали на пленку. Ребята так смеялись, когда видели, как Тэйлор поймала на каком-то дворе козу и повела ее на поводке, как собаку. Но больше всем нравились фильмы из жизни самого Международно-

го компьютерного лагеря. Приятно же узнать самого себя на экране! Например, фильм о дне рождения маленькой Джесси ребята смотрели много раз. Очень уж хорошо было, когда все уселись вечером за праздничный стол, на котором стоял большой кремовый торт с десятью воткнутыми в него свечами. Все поздравляли Джесси, она краснела, улыбалась и говорила по-русски: «Спасибо, спасибо!»

А сколько Оля и ее товарищи узнали нового об Америке!

Ребята привезли флаг штата Калифорния с большим медведем и очень интересную карту Америки, которую надо было как из кубиков складывать из изображений разных штатов, а их, как узнали ребята, там более пятидесяти. Чтобы сложить карту, надо постараться, и у Оли, правда не сразу, но все получилось. Узнала она, что ее новые друзья живут в штате Пенсильвания. Его все находили на карте безошибочно!

В конце смены наступил день прощания с американскими друзьями. Еще до обеда все руки у Тэйлор оказались в пасте от шариковой ручки: она на ладонях и запястьях записывала адреса и телефоны своих новых друзей, и Олин, разумеется, в том числе. А вечером был День Америки и прощальный костер!

Саша.

Но не только Оле Солдатенко удалось попасть в Роботландию с помощью нашего журнала. Побывал там и Саша Никольско-Ржевский из Одессы, который тоже писал Пете Куку интересные письма. Саше было даже труднее, чем Оле. Во-первых, он младше — ему только десять, но главное — он до прошлого лета в глаза не видел ни одного компьютера. Папа его, моряк дальнего плавания, бывает, привозит Саше всякие заморские диковины, но компьютер Саша увидел в Роботландии впервые! И хоть ему было трудно, он не унывал. Он знал, что с компьютером обращаться научится. Надо сказать, с самого начала было кое-что, что он делал гораздо луч-

ше других. Саша — кандидат в мастера спорта по шашкам, и тут уж никто не мог с ним сравниться! Сашина мечта — научить играть в шашки компьютер, чтобы он, по крайней мере, играл с ним на равных. Такой программы, правда, не было, а сам Саша составлять программы еще не умеет, но это неважно. Главное, у него есть мечта. К концу смены Саша уже работал на компьютере не хуже остальных, а многих даже превзошел.

С сожалением прощались Оля и Саша с Роботландией. Но у них есть шанс побывать там еще раз. Как, впрочем, и у вас, ребята, если вы будете стараться, решать задачи и писать письма в эту удивительную страну.

Н. КЛИМОВА

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ № 12, 1989 г.

Задача 1.

ЭТО ТАРАКАН
ПОДВОД
РАБОТА
ВОЗВРАТ

КОНЕЦ
ЭТО ПОДВОД
ПОВТОРИ 9 ВНИЗ
ВПРАВО
КОНЕЦ

ЭТО РАБОТА
ПОВТОРИ 3 ВСТАВКА
КОНЕЦ

ЭТО ВСТАВКА
ПОВТОРИ 2 ВПРАВО
ПОВТОРИ 7 ВВЕРХ
ПОВТОРИ 7 ВНИЗ
КОНЕЦ

ЭТО ВОЗВРАТ
ПОВТОРИ 7 ВЛЕВО
ПОВТОРИ 9 ВВЕРХ
КОНЕЦ

Задача 2.

ЭТО ЛАБИРИНТ
ПОДВОД
РАБОТА
МЕСТО
КОНЕЦ
ЭТО ПОДВОД
ПОВТОРИ 2 ВПРАВО
КОНЕЦ

ЭТО РАБОТА
ПОВТОРИ 2 ХОД
КОНЕЦ
ЭТО ХОД
ПОВТОРИ 5 ВПРАВО
ПОВТОРИ 2 ВВЕРХ
ПОВТОРИ 5 ВЛЕВО
ПОВТОРИ 2 ВВЕРХ
КОНЕЦ

ЭТО МЕСТО
ПОВТОРИ 2 ВЛЕВО
ВВЕРХ
КОНЕЦ

Приключения академика Пятитомова и профессора Синицына

Новая тайна пирамиды Хеопса

Н. ГОЛЬ, Н. ГРИГОРЬЕВ

Ранним морозным утром 1 января 1990 года академик Пятитомов, как всегда, сделал зарядку и вздохнул полной грудью. К запаху новогодней елки, стоящей в кабинете, примешивался, как ему показалось, какой-то необычный аромат.

«Пальмой пахнет, — подумал Пятитомов, разглаживая пушистую бороду, — откуда бы это?»

Он сел за стол просматривать корреспонденцию. Когда он взял в руки очередной конверт, ему бросился в глаза обратный адрес: «Арабская республика Египет. Пирамида Хеопса. Профессору Синицыну».

«Вот откуда запах пальмы!» — понял академик.

Словно живой, встал перед глазами академика Пятитомова его однокашник профессор Синицын. Они не виделись уже несколько лет. Профессор Синицын все время путешествовал. Не много осталось мест на белом свете, где не ступала бы нога профессора. И здесь, в кабинете академика, она ступала не раз. А сейчас смотрело с фотографии на Пятитомова мужественное, обветренное в странствиях усатое лицо друга.

Академик Пятитомов вскрыл конверт. Из него выпало 4 обрывка папируса, на первом из которых стояла дата: «1 сентября».

ПАПИРУС ПЕРВЫЙ

«Дорогой друг! С Днем знаний тебя! Ты, наверное, удивляешься, почему я пишу тебе из Египта. Осенью, когда птицы начали улетать на юг, меня потянуло вслед за ними. Тем более что я всегда интересовался пирамидами, этими древними усыпальницами египетских властителей. Оформив документы, я вскоре оказался в Каире и тотчас же отправился в до-

лину фараонов. Передо мной открылась необычная картина: полузасыпанный песком огромный каменный сфинкс словно бы охранял немислимой величины — чуть ли не полторы сотни метров в высоту! — сооружения. Я был потрясен. Исследовательский азарт охватил меня. Обманув бдительность сфинкса и его сторожей, мне удалось проскользнуть в пирамиду Хеопса. Опасаясь, что мне помешают самостоятельно проникнуть в тайну пирамиды, я бросился вперед, не разбирая дороги, но вскоре понял, что заблудился. Плутая по бесконечным коридорам и галереям, я очутился наконец в каком-то тупике, откуда не могу выбраться уже четвертый день. И что-то вроде двускатной крыши из огромных каменных плит четвертый день нависает надо мной. Письмо, дорогой друг, отправлю тебе при первой возможности. Твой Синицын».

Академик Пятитомов тяжело вздохнул. Это было вполне в духе его друга — без тщательной подготовки, сломя голову бросаться навстречу неизведанному. И вот теперь он оказался в положении одного из первых исследователей пирамид англичанина Вильяма Мэтью Флиндерса Петри, который еще в 1880 году, ровно 110 лет тому назад, прошел по пути Синицына. С керосиновой лампой в руках бродил он по лабиринтам, тщательно срисовывая настенные надписи и составляя карту внутренних помещений и переходов. Лабиринты были придуманы древними архитекторами, чтобы спасти богатые захоронения фараонов от грабителей. А богатства были несусветными! По верованиям древних египтян, в царстве мертвых тот, кто туда попадал, пользовался лишь теми

вещами, которые похоронили вместе с ним. Если бы профессор Синицын подготовился к дальнему пути так же тщательно, как древние фараоны! Золотые украшения, еда, утварь, одежда, оружие — все это хранилось в специальных помещениях пирамиды. А лабиринты должны были сделать сокровища недоступными для грабителей. Но — увы! — само богатство пирамид обрекало их на грабеж. Одни воры пробивали дыры в метровых стенах, чтобы добраться до клада, другие всеми правдами и неправдами добывали планы внутренних коридоров, третьи, ослепленные алчностью, шли наугад и навсегда оставались в хитросплетении тупиков и переходов. Но это не останавливало следующих. Неудивительно, что Синицын тоже заблудился. Удивительно другое: с каким хитроумием были построены почти пять тысяч лет назад запутанные ходы. Сколько выдумки! Сколько инженерных находок! Обманные лестницы, ложные двери, замаскированные колодцы... И не только при строительстве лабиринта древние египтяне находили необычайно мудрые для того времени решения. Например, на погребальную камеру, расположенную в самом низу пирамиды, давит такой чудовищный вес, что, кажется, должен ее раздавить. Что делать? Тут бы и Пятитомов с Синицыным не сразу нашлись а египтяне над погребальной поместили так называемую разгрузочную камеру. В ней они поставили под углом, наподобие крыши, гигантские плиты. «Крыша» и приняла на себя огромный вес пирамиды, равномерно его распределяя.

«Да, недурно придуманы эти плиты, — похвалил строителей академик Пятитомов, — ай да крыша!»

И вслед за этим его осенило: «Ура! Я знаю теперь, где профессор Синицын! Он же — в разгрузочной камере!»

ПАПИРУС ВТОРОЙ

«Дорогой друг! От всей души поздравляю тебя с Днем учителя! Я наконец-то понял, где на-

хожусь. Это разгрузочная камера, — сооружение настолько сложное, что даже не буду объяснять тебе его устройство, все равно ты ничего не поймешь. А мне непонятно только одно: как отсюда выбраться. Я уже предпринял несколько попыток найти выход, но всякий раз возвращался к исходной точке. Может быть, выхода вовсе нет? Правда, из этого вовсе не следует, что нет и входа — ведь как-то я сюда все-таки попал? Я не унываю. Уверен, что в будущем наука сможет разгадать и эту загадку — еще одну загадку пирамиды Хеопса. Думаю, что для меня единственный способ вырваться на свободу — это пробить в стене лаз. Главное — вытащить первый камень. Пожелай мне удачи, дорогой друг, — и до скорой встречи. Твой Сеницын».

Академик Пятитомов отложил обрывок папируса: «Ах, Сеницын, Сеницын! Боюсь, что если дело так пойдет и дальше, то встретиться нам доведется не скоро».

Что за безумная идея — в одиночку вытащить каменный блок из кладки пирамиды! Весит он две с половиной тонны, да еще давят на него остальные — ведь держится пирамида собственной тяжестью тщательно пригнанных глыб, а их ни много ни мало 2 300 000! Трудно даже поверить, что построили ее обыкновенные люди без всяких специальных приспособлений, кранов и лебедок. Техники, естественно, не было,

зато людей в древнем Египте хватало. Каждый год, когда Нил разливался и прекращались полевые работы, сотни тысяч крестьян вынуждены были в течение трех месяцев заниматься самым тяжелым трудом на строительстве пирамид. Кроме того, постоянно здесь трудились почти четыре тысячи каменщиков, резчиков и каменотесов. Ни на минуту не затихала жизнь на огромной строительной площадке. В каменоломнях отделялись от монолита блоки известняка. Делалось это так: по периметру намеченной глыбы просверливались отверстия; в них вбивались деревянные клинья и поливались водой; клинья набухали и отрывали камень от скалы. Иной раз целый месяц требовался, чтобы достичь результата. А потом каменные блоки перевозили по Нилу, на катках доставляли к месту строительства, по полозьям втаскивали на наклонный помост, который по мере строительства повышался и удлинялся, чтобы не увеличивался угол его наклона. К концу работ насыпь достигала нескольких километров в длину. Чтобы ускорить тяжелую работу, по краям насыпи через каждые несколько метров стояли надсмотрщики с плетями и тоже всю трудились. И все равно строительство тянулось не один год. Например, пирамиду, в которой теперь проводит дни и ночи профессор Сеницын, строили два десятилетия! Все этапы строительства отражены запи-

сьями писцов и настенными барельефами. В каменоломнях предшественниками Сеницына найдены папирусные канаты, за которые вытаскивали оттуда глыбы и инструменты каменотесов. Так что при желании можно было бы выстроить пирамиду снова. Вот была бы стройка века! Только зачем? Да и где взять теперь столько народу? Сейчас бы эта затея провалилась...

ПАПИРУС ТРЕТИЙ

«Дорогой друг! Прими поздравления с Днем туриста. Как ты, наверное, догадался, моя затея разобрать стену пирамиды закончилась провалом. Я провалился вниз, прямехонько в погребальную камеру. Немного ушибся, но зато вспомнил древнюю поговорку: «Все на свете боится времени, а время боится пирамид». Сегодня я с полным правом могу сказать: «Время боится пирамид, а пирамиды боятся профессора Сеницына...»

Академик Пятитомов облегченно вздохнул, радуясь спасенью друга и подумал, что время, которое боится пирамид, ничуть не изменило Сеницына — со студенческой скамьи он не страдал отсутствием скромности. Поэтому до сих пор, наверное, и не стал академиком.

Пятитомов продолжал чтение.

«...Оказавшись в давно опустошенной грабителями погребальной камере, я призвал на

помощь все свое воображение и представил себя мумией фараона. Прекрасно сохранившаяся, одетая в золото, плыву в ладье бога Солнца — Ра по волнам бесконечного времени в царство вечного покоя.

Жаль, что тебя нет со мной, дорогой академик. Твой фараон Хеопс-Синицын Второй».

— Нашел о чем жалеть! — слегка даже обиделся академик Пятитомов. — Тоже мне, профессор мумифицированный! И чего он хорошего в этом находит? Вынимают внутренности и мозг, все внутри промывают пальмовым вином, на семьдесят дней укладывают в соду, набивают тебя опилками и песком, запеленывают в ткань... Нет уж, это не лучший финал жизни для советского профессора, да еще и атеиста! Просыпайся, Синицын! — в волнении крикнул академик и взял в руки последний обрывок папируса.

ПАПИРУС ЧЕТВЕРТЫЙ

«С днем рождения, дорогой друг! Впрочем, быть может, я ошибаюсь. Счет времени давно потерян. Сообщаю тебе, что я проснулся в самом прекрасном расположении духа. Меня куда-то несли. Сначала я подумал, что несут в царство мертвых, но довольно быстро сообразил, что это обыкновенные грабители пирамид, только уже современные. Вытащив меня на свежий воздух и обнаружив, что я все-таки еще не мумия, грабители, крича что-то о новой тайне пирамиды Хеопса, бросили ношу на песок и скрылись.

Оставленный грабителями, я бросился в сторону почтового отделения, чтобы поскорее отправить тебе письмо, не боясь на этот раз заблудиться. Ориентироваться мне помогала сама пирамида — ведь ее стороны с точностью до сантиметра обращены на север, запад, юг и восток. Эта тайна древних строителей оказала мне огромную услугу: до почты я добрался быстро. Там я с любопытством просмотрел прессу за те три с половиной месяца, которые с пользой для себя и науки провел в пирамиде. В последнем номере одной из вечерних каирских газет я наткнулся на любопытную заметку, которую тебе высылаю.

НОВАЯ ТАЙНА ПИРАМИДЫ ХЕОПСА!!!

Местные жители утверждают, что дух фараона вернулся в свою усыпальницу. Загадочные звуки раздаются в ней по ночам. Иногда слышится пение на неизвестном наречии, возможно, это язык царства мертвых. На днях обвалился потолок погребальной камеры. Египетская Академия приглашает ученых всех стран принять участие в экспедиции по изучению новой тайны пирамиды Хеопса.

Как ты сам понимаешь, дорогой друг, я не собираюсь в этой экспедиции участвовать. У меня совсем другие планы, а кроме того, с пирамидой мне все ясно. Жду встречи. Да, кстати, с Новым годом! Твой Синицын».

Академик Пятитомов улыбнулся, свернул обрывки папируса в трубочку, перевязал их яркой лентой и повесил на елку среди других новогодних игрушек.

Можно ли без приборов точно установить, что Земля — шарообразна? Древнегреческий мыслитель Аристотель сумел это сделать. Он заметил: во время затмения, когда Земля загораживает Луну от Солнца, край земной тени на поверхности Луны — круглый.

Почему опытные спортсмены на тренировках придерживаются «графика бега» (или запыла) чемпиона? Ответ ясен: чтобы научиться правильно распределять силы на дистанции. Но этому можно научиться еще более простым способом, если по дорожке стадиона впереди будет бежать «копия» чемпиона — луч прожектора или солнечный зайчик. С таким послушным партнером легко тренироваться.

Что общего между решениями?

Их объединяет изобретательский прием — «принцип копирования». Он гласит: если почему-то трудно изучать объект напрямую (вспомним Землю) — используем копию объекта. Часто, но не всегда, применяют оптическую копию: тени, отражения от зеркал, лучи света, фото- и киносъемку, дополнительные цвета. Важно помнить, например: тени легко увеличивать и уменьшать.

А что такое упомянутые нами дополнительные цвета? Так в физике называются цвета, дающие при смешении третий (например: синий + желтый = зеленый).

В далеком космосе «потерялся» космический корабль... Свя-

зи с ним нет, но приблизительно известен район полета. Для обнаружения корабля получены сотни снимков ночного неба, но как отличить корабль от рядовой звезды? Сделаем вторые снимки каждого участка неба и наложим их на первые — ведь корабль движется и его положение должно сместиться... Но как долго сравнивать совпадающие на снимках звезды! А если вспомним о дополнительных цветах? Вначале проведем съемку через желтый светофильтр, а потом — через синий и наложим снимки друг на друга. Что получилось? Все неподвижные звезды будут зелеными и только корабль — нет!

А теперь подумайте: как по фото определить разницу объемов расширенного и сжатого сердца? Это трудно сделать при помощи обычных снимков, ибо на них плохо видно, где границы сердца совпадают, а где нет. Если определишь, можешь себя поздравить — ты повторил самое настоящее изобретение, сделанное тремя взрослыми специалистами.

ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ

№ 1. Работая во Флоренции, скульптор Микеланджело нашел изящный способ точного перенесения на камень пропорций восковых моделей. Он помещал исходную модель в ванну и, постепенно сливая воду, обнажал вначале выступающие части, а потом остальные. Так, глядя только на выступающую часть модели, скульптор «послойно» обрабатывал мраморную глыбу... Как еще более точно можно перенести размеры модели на глыбу камня в наши дни?

№ 2. Как быстро и точно узнать площадь страны по геогра-

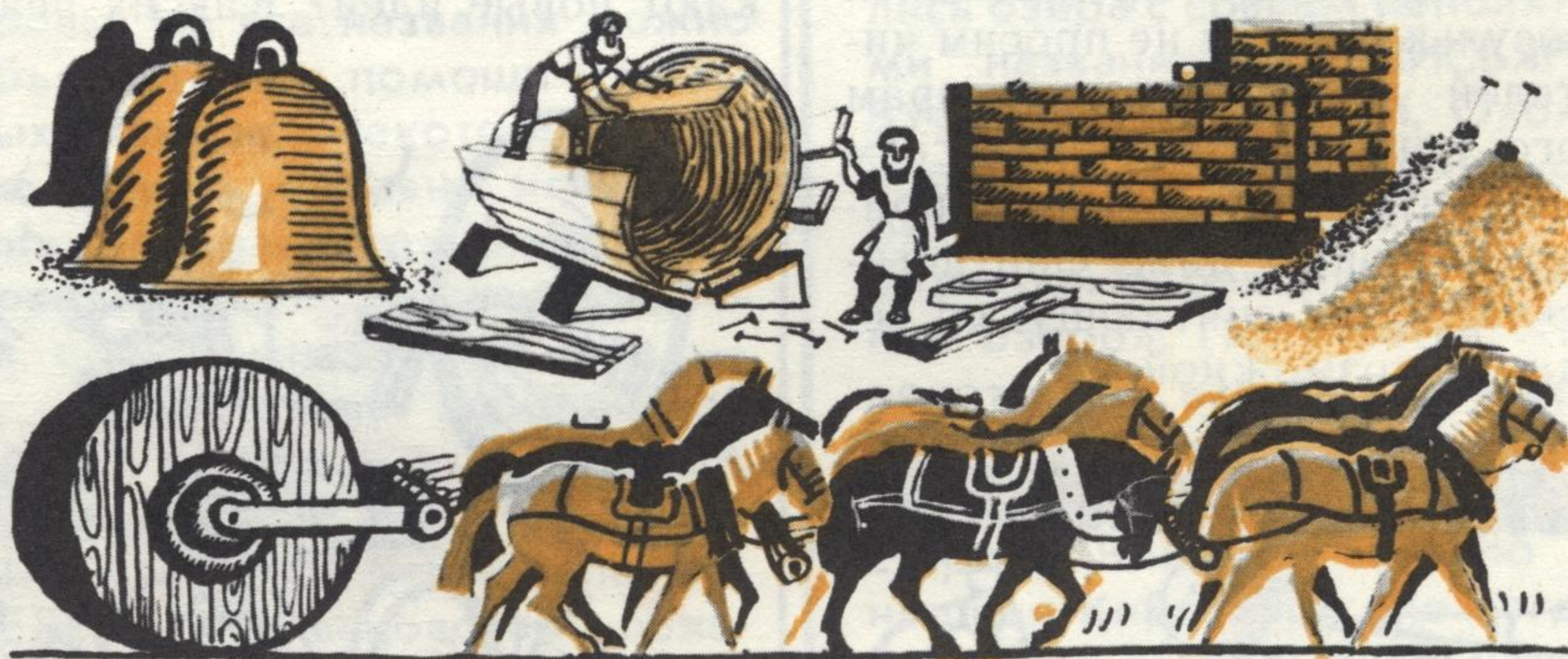

фической карте? Разбивать ее площадь на квадратики и подсчитывать их число — занятие долгое и утомительное... Заметим — копии могут быть не только оптические.

А почему я должен следовать правилу? — может возмутиться иной читатель. — Я не хочу! Что ж, надо ответить на вопрос.

Летом 1834 года для Смольнинского собора в Петербурге понадобилось доставить из города Валдая 12 колоколов, самый крупный из них весил 10 тонн. Как доставить по бездорожью такой груз? Долго мучались, наконец догадались — колокол положили на бок, об-

шили досками и... покатали всего 15-ю лошадьми.

Уже в начале нашего века возникла схожая задача: как перевозить лафеты больших орудий? Русский инженер В. Г. Шухов надел на них колеса и... А дальше ты уже знаешь. О чем это говорит? Если, решая задачу, найден сильный «ход» — разумно запомнить его и использовать еще раз при решении схожей. А если не переносить принцип решения с задачи на задачу? Обычно это ведет к напрасной трате сил, нервов, денег. Так, лишь несколько лет назад догадались: чтобы переместить снизу насыпи новый рельс на замену старому, не

обязательно вызывать мотовоз с краном или, выбиваясь из сил, двигать рельс ломами — на него надо надеть колеса и катить...

В 1946 году, рассуждая подобным образом, 20-летний советский изобретатель Генрих Саулович Альтшуллер приступил к созданию ТРИЗ — теории решения изобретательских задач. На чем она основана? Не на случайных «озарениях» чудаковатого изобретателя, которого так любят изображать в кино. Нет. Подобно тому как ученый-селекционер находит и выращивает ценные сорта семян, ТРИЗ основана на изучении красивых и сильных решений и выведении из них правил (вспомним «принцип копирования»). Спрашивается, насколько эффективны такие правила? Каждый может проверить сам, дав две первые задачи своим знакомым, не сообщая «принципа копирования».

Книги по ТРИЗ изданы во многих странах мира. Кто изу-

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ:

А сейчас задание № 3. В городке Пистойя (Италия), где родился Карло Коллоди, выдумавший «Приключения Пинноккио», проводится ежегодный

конкурс лгунов. В прошлом году жюри присудило премию за такую выдумку: «Этой зимой были такие морозы, что огонек свечи замерзал и превращался в сосульку...» Мы не просим читателей подражать призерам этого конкурса, а предлагаем более интересное задание: придумайте новую, даже фантастическую идею, считающуюся сегодня невозможной...

СЛЕВА И СПРАВА

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Зачем нужны фантастические идеи?

Часто, очень часто наука, изобретение начинается с возгласа: «Это невозможно!». Поэтому в ТРИЗ существует курс развития творческого воображения. Его цель: раскрепостить мышление, научить видеть необычное в обычном и даже... не бояться собственной идеи. Сегодня мы расскажем о приеме развития воображения под названием «числовая ось».

По заводскому конвейеру одна за другой движутся трубы.

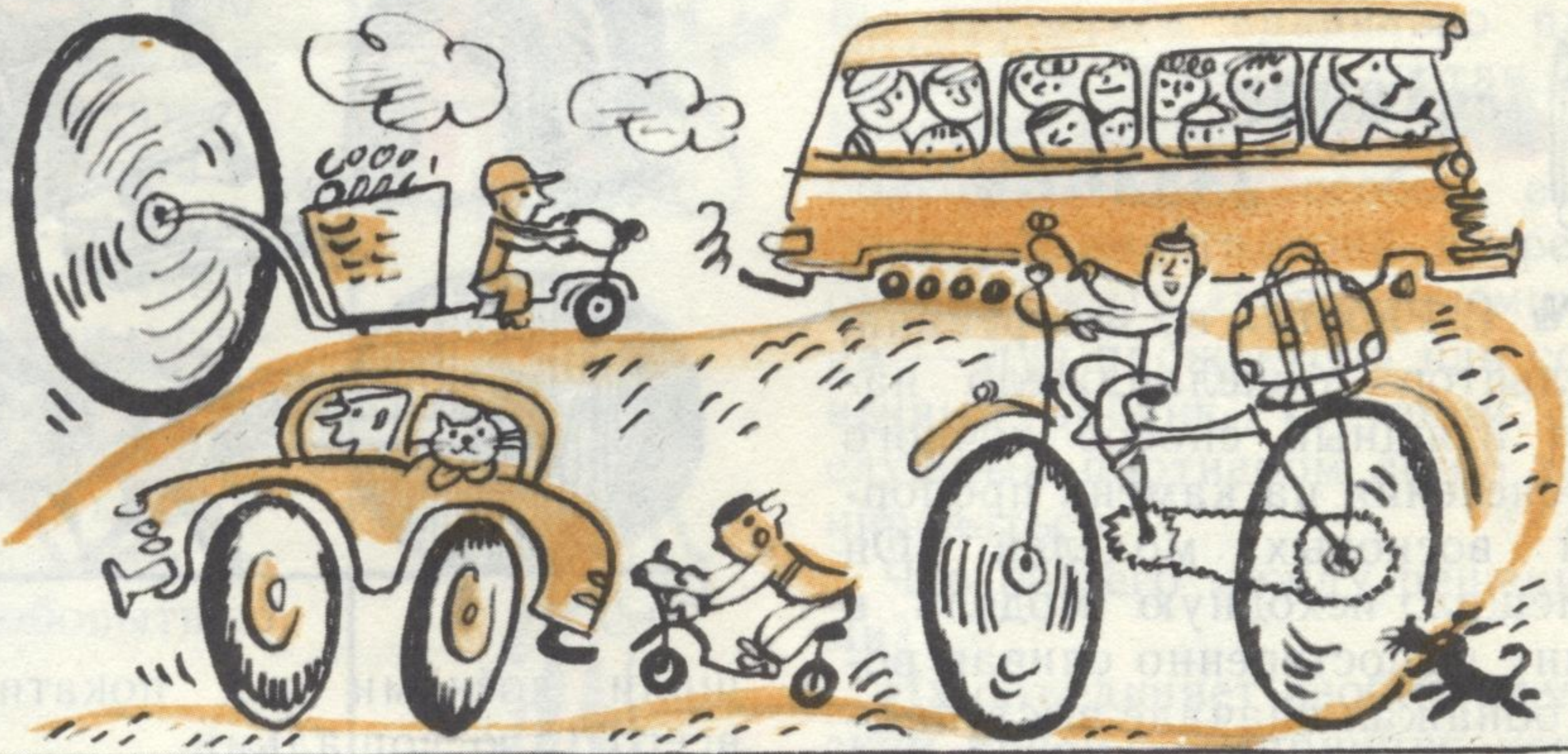
Нужен датчик — есть ли на конвейере труба или нет... Сделать контактный щуп? Но он, касаясь новой трубы, оставит на ней царапину. Что делать? Давайте рассуждать следующим образом. Подобно тому как на числовой оси могут быть отложены, например, последовательно убывающие числа, будем мысленно дробить щуп. Исходный щуп — «железка». Заменим его щеткой — щетина обеспечит надежный контакт и явно не повредит трубе. А если дробить дальше? Например, использовать струю жидкости или газа! А может быть, и пламени? «Это невозможно!» — воскликнет читатель. Почему невозможно? По авторскому свидетельству СССР на изобретение № 684301 запатентован

как раз такой датчик. Заметим: пламя проводит ток и датчик может сообщать электрический сигнал о наличии трубы на конвейере.

Вы, конечно, поняли, в чем хитрость принципа «числовой оси». Выбираем вещь и мысленно изменяем какую-нибудь ее характеристику. Мы изменяли размеры датчика. А могли изменить скорость, стоимость, степень прозрачности и т. д. При внимательном рассмотрении измененной характеристики всегда возникают новые идеи. Недаром русский ученый — металлург Д. К. Чернов писал: «Мы должны помнить, что налево и направо от нас бесконечность. Смотря в одну сторону, мы вооружаемся телескопом, а в другую — микроскопом».

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ:

№ 4. Давайте рассмотрим, как может измениться транспорт, если использовать колеса диаметром 1 см, 1 мм, 1/1000 мм? Или в другую сторону — колесо 10 м, 100 м, 2 км? Какие возникают новые идеи? Как их реализовать?

Ждем ваших писем с решениями. Можно присылать решение одного задания. Главное — написать о нем подробно и не забыть о рисунках и чертежах.

Итак, повторяем.

Как перенести размеры модели на глыбу мрамора?

Как точно измерить площадь страны по карте?

Твоя фантастическая идея.

Во что может превратиться колесо?

Успехов!

И. ВИКЕНТЬЕВ,
И. КАЙКОВ

Рисунки А. Януса

КАК ВАС ЗОВУТ, ОЗЕРО?

Всему, что его окружает, человек дает имя. Он называет города и улицы, горы и реки, болота и озера — все получает свое собственное **название**. Эти названия человек придумывает сам. Значит, он может и изменить имя, дать новое. Так часто и происходит — город Тверь давно уже зовется Калинин, станция метро Лермонтовская в Москве вернула себе старое название Красные Ворота, а жители улицы Ольгинской в Ленинграде в одно прекрасное утро проснулись на улице Жака Дюкло.

Правда, не во всех странах принято изменять уже известные названия. В Исландии, например, с 1900 года не было **ни одного** переименования. В Великобритании, где тоже очень уважают традиции, переименования были, но только единичные.

МОЖНО ЛИ ПЕРЕИМЕНОВАТЬ РЕКУ?

Действительно, можно ли взять и переименовать реку, озеро, гору? Давайте-ка припомним, были ли в истории такие случаи? Есть, конечно, в Ленинграде канал Грибоедова, раньше он назывался Екатерининский... Но канал — дело другое, его люди вырыли. А как насчет рек, озер?

РЕКА ЯИК

Бывали такие случаи. В XVIII веке по приказу Екатерины II река ЯИК была переименована в реку УРАЛ, чтобы навсегда стерлась память о «бунте» яицких казаков под предводительством Пугачева. Как мы видим, эта мера не помогла — хотя реку мы и поныне зовем УРАЛ, о Пугачеве, однако, не забыли.

Только этот пример обращает на себя внимание имен-

но потому, что каждому ясно — реки, озера переименовывать нельзя. Мы как бы не вправе менять название того, что не является творением человеческих рук, того, что создано природой. Именно поэтому названия рек и озер, особенно больших, часто уходят в седую древность.

ОТЗВУКИ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ

Посмотрим на карту СССР — вот реки КАМА, ДОН, ОБЬ, озера ИЛЬМЕНЬ, СЕЛИГЕР, БАЙКАЛ. Что значат эти названия, какой народ и когда дал их?

К сожалению, ученые не всегда могут ответить на эти вопросы. Не все названия можно объяснить при помощи известных языков, некоторые хранят память о давно исчезнувших народах. Вот, например, довольно многочисленные реки с окончанием на **-кша** — их много по всей Европейской части: КОЛОКША и ПЕКША Владимирской области, МОКША и ШУКША Пензенской, СЕЛЕКША Ивановской области. Что значили когда-то эти слова, какой народ назвал так реки? Об этом мы не можем даже догадываться.

ТАК РОЖДАЮТСЯ ЛЕГЕНДЫ

Но ведь человеку очень хочется как-нибудь да объяснить, что все-таки значит непонятное название. И вот жители Полтавы до сих пор рассказывают, что река ВОРСКЛА получила свое название так: Петр I будто бы уронил в воду подзорную трубу и в досаде воскликнул: «Не река, а вор стекла!». Отсюда и Ворскла. Все бы хорошо, но название Ворскла известно в летописях со времен Древней Руси, задолго до Петра. Ученые считают, что это имя

древнерусское, оно произведено от слова «ворчать» — значит, не «вор стекла», а «ворчливая, шумная река».

НЕЗНАКОМОЕ В ЗНАКОМОМ

А иногда и легенд никаких не требуется, и так, кажется, все совершенно ясно и понятно. Вот, например, карельское БЕЛОЗЕРО — чего тут таинственного? Но... в той же Карелии плещется КИРГОЗЕРО, ШУГОЗЕРО, ШОТОЗЕРО. С ними уже не так просто — что это еще за **Кирг-, Шуг-, Шот-**? Оказывается, первые части этих названий карело-финские. Киргозеро, например, значит «иволгино озеро». Но рядом раскинулись озера с совсем непонятными названиями: ЯНИСЬЯРВИ, ВУОЯРВИ, КИВИЯРВИ. Окончание **-ярви** как раз и значит «озеро» на карельском языке. Так, Кивиярви переводится «каменное озеро». Получается, что в некоторых названиях вторую часть **-ярви** просто перевели на русский язык. Именно так из старого Киргярви вышло нынешнее Киргозеро. Но тогда и Белозеро тоже бывшее карельское название, только у него на русский перевели обе части! По-видимому, так и было, потому что названия типа Белозеро, Каменьозеро, Соколозеро встречаются только там, где живут или некогда жили прибалтийско-финские племена.

ЗАГАДОЧНАЯ ВОРОНА

Бывает и так, что иноязычное название не переводится, а «подгоняется» (конечно, не нарочно) под какие-нибудь похожие русские слова. Протекает по Тамбовской и Воронежской областям река ВОРОНА. С ней вроде все ясно — вороны водились. Однако откроем рукописи XVII века. Та же самая река зовется в них Иворонь.

ЖИВАЯ ВОДА • ЖИВАЯ ВОДА • ЖИВАЯ ВОДА • ЖИВАЯ ВОДА •

Тут стоит задуматься — по-видимому, река Ворона с птицей вороной не имеет ничего общего. Что же значит это название, откуда оно взялось — это еще одна загадка, которую должна решить наука о географических названиях — **топонимика**.

ВНИМАНИЕ! Нельзя объяснять название по первому впечатлению. Даже если кажется, что все ясно, подумайте, какие народы жили или живут в вашей местности, не объясняется ли название через слова их языка.

ОСЛЫ ИЛИ МЕСТО ДЛЯ СУШКИ ХОЛСТА?

Случается, что название понимают неправильно не потому, что оно происходит из языка других народов. Оно может объясняться через слова русского языка, но не литературные, а местные, диалектные. Есть, например, в средней полосе река **ОСЛИЩЕ**. Наверно, жили по ее берегам ослы, причем крупные, ослищи? Или очень глупый человек? Ничего подобного. Слово **ослище** в местном говоре означает «место для сушки холста». Вот почему так называли речушку — по ее берегам обычно сушили холсты.

ВНИМАНИЕ! Стараясь объяснить название, не забудьте о народных говорах, характерных для вашей местности.

ПОЧЕМУ ТАК, А НЕ ИНАЧЕ

Ученые, сопоставив названия сотен озер и рек, пришли к выводу, что многие устроены похоже.

ПРОСТО «ВОДА»

Очень многие имена рек и озер, особенно больших, в переводе значат просто «вода» или «река». Например, **НИЛ** по-древнеегипетски — «река». И не удивительно, ведь в глазах египтян это была единственная река на свете. А вот в

нашей стране протекают **ДОН**, **ДНЕПР**, **ДУНАЙ**, **ДНЕСТР**. Во всех этих названиях повторяется одно и то же **-дн-**. Никакого отношения к русскому слову «дно» оно не имеет, дон — значит «вода» на языке скифов. Точно так же «река» будет на языке манси **ОБЬ**, а по-удмуртски «река» — **КАМА**. **ПСОУ** — тоже «река», но по-черкесски, а **ТУАПСЕ** на том же языке — «две реки».

То же самое и с некоторыми озерами. Древнее название Ладожского озера **НЕВО** — значило «море», а потом это имя получила вытекающая из него река. **ИЛЬМЕНЬ** означает на диалекте «лиман», «озеро, оставшееся после половодья».

Почему так происходит? Это понятно. Ведь и ты, приглашая приятеля на рыбалку, говоришь просто: «Пошли на озеро», не уточняя «на Чудское, Белое, Онежское», все равно в округе оно одно. Так слова «вода», «река», «море», «озеро» превращаются в имена собственные, особенно если это слова другого языка.

БЕЗДОННОЕ, БЕЛОЕ, СОЛЕНОЕ...

А если в округе озер, рек несколько? Тогда их называют по каким-нибудь отличительным чертам.

Во-первых, обращают внимание на форму, величину, глубину. Так появились озера **ГЛУБОКОЕ**, **БЕЗДОННОЕ**, **ОХВАТ**, реки **КРИВУША**, **ВЕЛИКАЯ**, **БЫСТРИЦА**. **ЯИК** по-тюркски тоже значит «широкий».

Другие названия могут быть связаны с тем, какая растительность растет, какие животные обитают по берегам, много ли рыбы и какой в реке или озере. Так возникли названия речек **СОСНОВКА** и **РЫБНИЦА**, озер **МЕДВЕЖЬЕ** и **СЕЛИГЕР** (из карельского **Сяркиярви**: «плотва + озеро»). Сюда же можно отнести и гордое имя **БАЙКАЛ**, что по-тюркски значит «богатое озеро» — богатое чем? Конечно, рыбой!

Важными для людей могут

оказаться и особенности воды. В **ЧЕРНОМ** озере, в **ЧЕРНОЙ** речке вода может быть темной из-за взвешенных частичек торфа. Наоборот, в **БЕЛОМ** озере вода скорее всего прозрачная. А есть еще озера **СОЛЕНОЕ** и **ГОРЬКОЕ**, реки **СИНЯЯ**, **РЖАВКА** и **КЫЗЫЛ-СУ** — «красная река».

Имеет значение и температура, поэтому мы видим на карте озеро **СТУДЕНОЕ**, реки **ХОЛОДНУЮ** и **СНЕЖНУЮ**.

А вот в некоторых названиях отразились чувства людей, возникающие при виде озера, недаром есть на свете озера **КРАСАВИЦА** или **ЦАРЕВЬЕ**.

Многие названия происходят от имен собственных, когда река названа по местности, где она протекает, по имени людей, живших на ее берегах. Например, **ЖДАНОВКА**, небольшая речушка в Ленинграде, получила свое название по фамилии братьев **Ждановых**, **Ивана** и **Николая**, которые в начале XIX века построили на ее берегах один из первых в России химико-аптекарских заводов.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

Какие же названия встречаются чаще всего? Литовские ученые, например, подсчитали, что в Литве 11% названий рек и озер имеют неизвестное происхождение, 19% — происходят от названий местности или имен людей, 5% — имеют значение «вода», «река», и, наконец, 59% названы по «личным» особенностям — по форме, глубине, температуре и тому подобному. Этот тип названий встречается чаще всего.

КАК ЗОВУТ ТВОЕ ОЗЕРО?

Задумайся над этим. Может быть, ты услышишь в его имени слова древних языков или звуки народной речи. Может быть, его название приоткроет перед тобой одну из страниц истории твоего края.

Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

Хождение за три моря, или путешествие Афанасия Никитина

В пятнадцатом веке в небольшом городе Твери жил купец Афанасий Никитин. Задумал он путешествие в далекую Индию. В те времена знали, что есть такая страна, полная чудес.

Сначала по Волге спустился Никитин до Астрахани.

Как раз владетель Ширвана (государство, включавшее города Закавказья) — шах отправил к великому князю Ивану III посла Хасанбека. Выполпив дипломатические поручения, посол возвращался домой. Было это в 1466 году. Вез он своему повелителю богатый по тем временам подарок — девяносто охотничьих кречетов, которых пожаловал шаху Иван III. С караваном ширванских судов пошел и Никитин. Трудным оказалось путешествие. Владения Руси заканчивались вскоре после Нижнего Новгорода — далее шли земли казанских татар. Разграбили они купеческие корабли. Взяли товарищей Никитина в плен, а одного даже убили.

Но Никитин спасся. Добрался до моря Дербентского (сейчас называем мы его Каспийским). Далее дорога шла через

Персию (Иран). В порту Ормуз сходились пути торгового люда со всего мира. Здесь Афанасий купил хорошего коня, которого позже выгодно продал в Индии, где кони очень ценились.

Пересек Никитин и второе море, Индийское. Далее путь его шел в глубь Индостана, в Парват — священный город индусов...

Четыре года пробыл Никитин в Индии. Решил, наконец, вернуться на Родину. Но путь домой был еще труднее. Бури, морские пираты! Но и третье море, называемое ныне Черным, было позади...

До родной Твери Никитин не добрался. Умер по дороге под Смоленском.

И оставил он после себя не золото, не серебро (сколько раз в пути был ограблен!), оставил свои записки «Хождение за три моря» — то, что мы сейчас называли бы дневником путешественника...

В «Хождении за три моря» Никитин рассказал о коварстве врагов России, о странных явлениях природы — морских приливах и отливах, муссонных дождях — «индейской зиме»,

чужих нравах — «не едят мяса и еще кто на его еду посмотрит, есть не станет». Описывал все это с точностью исследователя и с уважением к другим обычаям, как бы дики они ни были для жителя другой страны и человека иной веры.

Прошло более пяти веков, как Афанасий Никитин написал свои записки, но светит его Слово, дошедшее до нас. Его Слово — пример мужества и терпения в суровых скитаниях, пример уважительного доверия к людям другой расы, национальности, веры, пример служения своему делу — нигде не забывал Афанасий о деле своем купеческом, стремясь сообщить, какие товары ценит «Индия». И пример любви к земле своей родной.

«Грузинская, Турецкая, Волонская (Румыния) и Подольская земли всем обильны, и все здесь съедобное дешево, — пишет он, заканчивая свой труд. — А Русская земля — на этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы, но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость...»

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ РАССКАЗЫВАЕТ

Есть в редакции «Костра» среди книжных полок одна полка, где хранятся не книги, а коробочки с кассетами магнитных записей. Только это записи не музыки, а голосов хороших детских писателей. «Костер» приходит к писателю в гости и просит почитать какой-нибудь написанный этим самым писателем рассказ. Или просто идет беседа с писателем о том о сем. Или писатель отвечает на вопросы.

Больше всего кассет с записями Николая Ивано-

вича Сладкова. Может быть, потому, что Сладков часто и охотно встречается с ребятами. Встречается и рассказывает. А «Костер», узнав о такой встрече, тут как тут — и записывает. Рассказать Николаю Ивановичу есть о чем. Ведь он повидал природу многих стран, был два раза в Индии, в Танзании, в Уганде, в Судане, в Египте, Иран весь обошел пешком в свое время. И не просто повидал природу, а смотрел на нее внимательным глазом писателя. О чем же рассказывает Николай Иванович? Конечно же, о природе! И еще разные случаи из своей жизни. О писательском мастерстве. И о своих книгах.

А книг Николай Иванович написал много! Они выходили на разных языках и наших народов, и народов мира. «Белые тигры», «Иду я по лесу», «Необыкновенный зверь», «Сорочьи сказки», «Лесные невидимки», «Свист диких крыльев», «За пером синей птицы», «Под шапкой-невидимкой». Все книги Сладкова перечислить — места надо очень много, потому что написал он уже почти сто книг!

В редакции бережно хранятся кассеты с записями рассказов Николая Ивановича. Идет время, и записи эти становятся бесценными...

Николаю Ивановичу исполняется семьдесят лет. И мы все его поздравляем и желаем написать новые книги о природе. А чтобы послушать, как Николай Иванович рассказывает, включаем наш магнитофон...

«...В моей писательской судьбе много значило знакомство с Виталием Валентиновичем Бианки. Как оно случилось? Был при Зоологическом институте Академии наук кружок юных зоологов, где я и занимался. И вот туда-то пришли однажды три человека: писатель Бианки и художники — Васнецов и Чарушин. Мы, юннаты, со всеми троими познакомимся. Потом к Виталию Валентиновичу

мы уже приезжали всем кружком. Ходили с ним в лес, на охоте с ним были.

Вот так дальше-больше я и познакомился с Бианки. Потом — война. Бианки был в эвакуации, а я на Закавказском фронте, мы переписывались. А после войны знакомство продолжилось, это знакомство много сыграло в дальнейшей моей жизни, в работе над книгами о природе...»

«...Когда у меня вышла первая книжечка «Серебряный хвост» — это было в 1953 году, — то наш замечательный писатель Михаил Михайлович Пришвин эту книжечку отметил и в конце своей рецензии написал: «А что из этого получится дальше (то есть он имел в виду меня, что из меня получится...), я не знаю. Потому что я не знаю, какой вы сами по себе...»

Тогда я как-то особенно к этим словам отнесся не очень внимательно, а сейчас вот понимаю, что в этом — вся суть: какой ты сам по себе?»

«...Радостей в работе писателя очень много, хотя не надо думать, что это легкая работа — сел, написал, тебя напечатали, о тебе сообщили, ты — на поверхности... Нет, писательство требует большого труда и постоянного состояния — отвечать сегодняшнему времени... Ну и главное: твои книги — это какой ты сам по себе...»

«...Есть, по-моему, два способа познания жизни — есть наука и есть искусство. Так вот, ученый для познания жизни имеет инструментарий: скажем, телескоп и микроскоп. Писатель — сам себе инструмент! Вы собой, своей индивидуальностью, своим характером, своей натурой познаете жизнь! И изображаете ее так, как она вам представляется. Так что писателю не нужен ни телескоп, ни микроскоп. Он сам — и телескоп, и микроскоп...»

«...Вы спрашиваете, любил ли я в молодости охотиться? Любил. Только охота для меня имела двойной смысл, потому что это был для меня еще и способ общения с природой, способ узнавания ее. И потом, охота — это ведь — кругом природа. Это подсказывало сюжеты. Многие рассказы — это случаи, которые произошли в действительности. Конечно, случай не просто описывается, но случай наталкивает на написание рассказа. Охота в моей молодости была охотой за знаниями, открытиями, а не за дичью... Я думаю, что есть два типа пишу-

щих о природе людей. Одни пишут то, что сами знают, что сами узнали, прочувствовали и пережили. Другие переписывают из литературы — это пересказ чужих сведений, добытых другими людьми. Никаких эмоций, это чисто познавательная литература, она тоже имеет смысл. Но она — не художественная, не эмоциональная. Она не действует на чувства».

«...Когда вышла моя книга «Подводная газета», в ней случилась ошибка: в типографии перепутали подписи под двумя фотографиями. На фотографиях были раковины. Одна обыкновенная, какие часто украшают полки в застекленном шкафу, а на другой — редчайшая, которых всего-то две-три во всем мире и которая стоит десятки тысяч рублей... Так было и написано под фотографиями. Но подписи перепутали местами... Книга вышла в свет, а ко мне начали приходить письма. И от детей, и от взрослых. Но вот фокус! Взрослые по большей части писали так: «Товарищ Сладков! Та, дорогая раковина, про которую вы пишете, у меня имеется. Куда ее можно сдать и, где срочно получить деньги?»

А дети писали иначе. Они писали так: «У нас на комодке давно лежит та красивая и редкая раковина, о которой вы рассказываете. Я могу переслать ее вам или ученым, чтобы эта раковина пригодилась для науки...»

«...Был однажды со мной случай. Написал я рассказ. Перечитал и что-то меня смутило. Что-то обеспокоило. Перечитал еще раз и отложил в стол. Потом вдруг, через некоторое время просматривая одну из своих первых книг, написанных лет двадцать пять тому назад, вижу этот самый рассказ! Ну да, этот самый, что я только что написал и спрятал в стол... Когда много работаешь, немудрено забыть про собственный рассказ, напечатанный двадцать пять лет назад... Бывает. Но не в этом дело! Удивительно было другое! Когда я достал рассказ из стола и положил рядом с тем, напечатанным когда-то в книге, я увидел, что сейчас, то есть спустя четверть века, я написал этот рассказ слово в слово! До точки, до запятой. Как будто я его переписал из книги... Вот что удивительно. И я подумал: значит, этот рассказ сидел во мне. Как родился когда-то из того, чему я удивился и что запомнил, так и сидит — навсегда...

Таинственная вещь — литература...»

Магнитофон включал Олег ОРЛОВ
Фото Б. Гесселя и И. Колтуна

УГОЛОК любозыт- ных Фактов

В американском штате Техас был ограблен дом. Розыск преступников затянулся, и вдруг хозяева дома (в

момент преступления они отсутствовали) обратили внимание на то, что в словаре их домашнего попугая появились новые слова. И среди них — несколько имен. Попугай запомнил все, что говорили преступники! Сыщики записали его слова на магнитофон и довольно скоро разыскали преступников.

Чем лучше, чем гуще шерсть у овцы, тем труднее ее стричь. Датские фермеры решили обратиться за помощью к химикам. Те нашли вещество, наглотившись которого, овца... сама теряет шерсть. Походив голы, обростает снова. Не так уж и плохо людям, а каково овцам?

ЗЕЛЕНЬЕ СТРАНИЦЫ

Составила Н. ИВАНОВА
Оформление Т. Панкевич

ЯНВАРЬ

Лютует в лесу январь. Скрипят на ветру деревья. Всему живому не до жиру — быть бы живу. Щеглы да сойки, хорьки да куницы от голода и стужи в город подались, чтобы там перезимовать.

А в городе всё не так, как в лесу. Вьюга несется по улицам, мечется в переулках и тупиках, колет холодными иглами. Кто попадется под руку — воробей или голубь, — падает, бедняга, мерзлым комком на землю. Хорошо, если вовремя наткнется на него добрый человек, отогреет в тепле.

Манит зверей и птиц город — здесь легче зимой согреться и прокормиться. А как у растений житье-бытье? Ведь они не выбирают, где зимовать.

ДЕРЕВЬЯ-ГОРОЖАНЕ

Конечно, в городе зимой теплее, чем в лесу. Теплее земля, где под ней лежат трубы центрального отопления. Пруды и речки часто не покрываются льдом. В городе и людей много, и транспорта. Греют заводские трубы, даже ночное освещение — все это повышает температуру на несколько градусов. Но плохо другое: снега мало. Мало снега — мало влаги. Придет весна, оживут корешки деревьев и кустарников. А как без влаги взять им из почвы питание? Воды не хватает. А тут еще посыпают зимой мостовые и тротуары солью! Попадает в почву и эта вредная для растений соль, и горючее от автомашин, бензин, масло... Почва в городе и без того бедная — все листья по осени люди сгребли, увезли и сожгли, вместо того чтобы закопать на месте. Плохо приходится деревьям. В городе раньше, чем в лесу, желтеют и опадают листья. Раньше отмирают корни, и недостает растениям запасов питательных веществ. Вот и приходится зимовать нашим городским деревьям без теплой одежды и на голодный желудок. По нашей же вине.

Березы - против шума

У городских растений — свои особые «профессии». Они обогащают воздух кислородом, обеззараживают его. Летучие вещества — фитонциды, которые выделяются растениями, — лучшие лекарств борются с возбудителями многих болезней. Знаменитые «медики» — можжевельник и другие хвойные, а также дуб, черемуха. Дуб, например, помогает людям с гипертонической болезнью. Тополь улавливает из воздуха и осаждает на клейких своих листьях пыль и грязь. Липы и лилейные растения — тюльпаны, лилии, нарциссы извлекают из воздуха и обезвреживают свинец, содержащийся в выхлопных газах автомобилей.

Есть у деревьев еще очень важная городская профессия. Они поглощают шум. Сильный шум утомляет человека, раздражает, даже обостряет многие болезни. Например, береза — не только украшение города. Мелкие ее листочки, как чешуйки кольчуги, перекрывающие друг друга, образуют гибкий и упругий щит, от которого звук отражается обратно, на проезжую часть улицы. Этот секрет знали, оказывается, наши предки в XVIII веке.

Одни растения могут сдерживать, отбрасывать, поглощать звук, другие — даже переводить его в тепловую энергию. Эти возможности растений исследует новая наука — промышленная ботаника.

Письмо из Бурятии

Реки Селенга и ее приток Уда, на которых стоит наш город, несут свои воды в Байкал. Судьба Байкала нас особенно беспокоит. На Селенге находится крупный целлюлозно-картонный комбинат, и до сих пор он сбрасывает свои сточные воды в Селенгу. Туда же попадают стоки городской канализации Улан-Удэ. Хотя они и проходят биологическую очистку, но чистыми назвать их нельзя. Дымят в нашем городе и трубы заводов — висит темное облако дыма. В газете «Правда Бурятии» печатают экологический бюллетень. Почти во всех сообщениях пишут: ...ПДК — предельно допустимые концентрации превышены во столько-то раз... По-моему, никаких ПДК не должно быть! Разве само существование предельно допустимых кон-

центраций вредных газов в воздухе — это нормально? Мы хотим иметь здоровый воздух и здоровую воду!

Мы с друзьями решили в прошлом году создать экологическую группу «Друзья природы», чтобы самим чем-то помогать природе. Связались с республиканским экологическим центром. Провели субботники по очистке близлежащего леса, обследовали речку Воровку. Весной в наших лесах зацветает багульник. Его обрывают и продают. Обязательно надо будет защитить багульник — в этом будут участвовать многие школьники.

А тем, кто хочет с нами переписываться, даем адрес: 670033, Бурятская АССР, г. Улан-Удэ, п. Таежный д. 15, кв. 1 «Друзья природы»

С уважением Евгений Семенов

„ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ“ НАГРАЖДАЮТ

книгами за лучшие рассказы о природе по итогам 1989 года Маргариту Ильину (г. Днепрорудный), Бориса Барашкова (г. Пушино), экспедиционный

отряд «Каспий-88» (Ленинград). За помощь сему фонду «Зеленых страниц» — Женю Шаровского (Прокопьевск).

Наши питомцы

КАК Я ВОСПИТЫВАЛА ХОМЯЧКА

У меня есть сирийский хомячок Тошка. Но маме так надоела его ночная возня, что я стал его перевоспитывать. Хомячки в природе ведут ночной образ жизни — днем спят, а ночью занимаются своими делами. Я стал на ночь включать над клеткой лампу, чтобы для Тошки это был день и он спал. А на день, наоборот, насыпал Тошке корм и накрывал клетку. В темноте Тошка бодрствовал: возился, грыз семечки. Вот только мне стало скучно с ним играть в темноте. Но скоро он привык к такому режиму дня. Летом я уезжал в лагерь, и без меня у Тошки опять день и ночь перепутались. Опять надо браться за воспитание.

Максим Воробьев,
г. Сланцы

Говорящий попугай

«Дорогая редакция! Родители обещали мне достать волнистого попугайчика. Мне очень хочется, чтобы он умел говорить. Где найти такого попугая?»

Сергей Мифтахутдинов,
Ташкент

Мы отвечаем Сергею и другим ребятам. Волнистого попугая можно научить разговаривать. Лучше обучаются разговору молодые попугайчики — самцы. А других птиц рядом лучше не держать. Самое главное — подружиться со своим питомцем. Его можно выпускать из клетки полетать. Пусть садится на руку, на плечо. Очень любят попугайчики, когда их ласково почесывают под глазом или около ушного отверстия. А вот ловить птицу никогда не надо: положи в клетку корм — попугайчик сам вернется. Учить разговору начинай с 2—3 простых слов. Обычно волнистые попугаи начинают говорить в возрасте 80—90 дней, а в 6 месяцев они уже могут говорить десятки слов.

Тебе слово, читатель!

Когда в редакции идут споры о том, что печатать, обязательно кто-нибудь скажет: «Да разве это интересно читателю?». И нам очень не хватает в этот момент твоего голоса, наш юный друг. Поэтому мы просим тебя ответить:

1. Что особенно беспокоит тебя в состоянии здоровья природы?

2. В каких делах юннатов, о которых ты прочитал, ты хотел бы участвовать?

3. В каком своем увлечении ты не встречаешь понимания взрослых?

4. Какая загадка природы не дает тебе покоя?

И последнее. Сколько тебе лет? Где живешь?

Не сомневаемся в твоей искренности. Ждем ответа.

ФЕНОМЕН Лидии СКОБЛИКОВОЙ

Каждый большой спортсмен — загадка. И может быть, мы ищем с ним встречи, потому что стремимся эту загадку разгадать?..

Мне посчастливилось быть свидетелем олимпийского триумфа Лидии Скобликовой в Инсбруке. В том далеком уже 1964 году она завоевала в коньках «все олимпийское золото», выиграв четыре дистанции из четырех! Еще две высшие олимпийские награды она получила в 1960 году на Играх в Скво-Вэлли. Шесть золотых олимпийских наград — рекорд среди героев всех Белых Олимпиад.

Дважды — в 1963 и 1964 годах — Скобликова выигрывала звание абсолютной чемпионки мира, побеждая на всех дистанциях.

То, что она совершила в спорте, удивляет и восхищает по сей день. А в 60-е годы популярность Скобликовой (ныне Полозковой) была фантастической. «Демон на льду», «Уральская молния», «Чудо, созданное для коньков»... Как только ее не называли!

В чем же «феномен Лидии Скобликовой»?

В спорте ею двигало желание быть первой. Только первой! Ощутить непередаваемое чувство собственного всепобедительства, услышать рев трибун, которые она приводила в неистовство...

На Олимпийских играх в Инсбруке в женских коньках разыгрывались медали на четырех дистанциях. Лида уже победила на трех. Пусть сейчас сама вспомнит, как ей далась там четвертая победа.

Лидия Скобликова:

— Последняя дистанция — «тройка», моя коронная. Перед стартом подошел ко мне руководитель советской делегации Юрий Дмитриевич Машин и говорит: «Лидочка, ты пойми — по три золотых медали выигрывали наши лыжницы, а вот четыре на одной Олимпиаде не завоевывал никто».

...3000 метров. Никто у меня не выигрывал эту дистанцию в олимпийскую зиму. И вот дают старт. Температура — семь градусов тепла, а морозильные установки на катке почему-то отключили. Альпийское солнце топит лед, как воск. Коньки в него проваливаются. В голове одна мысль: не упасть! Представляете, если бы я завалилась на этой мокрой жиже. Вот бы смеху-то было. Финишировала, а в глазах темно. И вкус соли на губах...

Потом холодильные установки включили. Лед на глазах подмерзал, становился все более накатистым. Но даже по хорошему льду никто не смог улучшить ее результат.

Помню, после той четвертой победы я ждала ее в Олимпийской деревне. Мне было интересно, какой она придет. Восторженной? Опьяненной счастьем?

Она вошла удивительно спокойная. Устало опустила на пол сумку с коньками. Тихо сказала: «Как хорошо, что все уже позади».

— Что ты сейчас испытываешь? — спросила я.

Она прикрыла глаза:

— Ужасно устала. Лед сегодня такой тяжелый, в пол-ладони воды.

— Я не о том — я о настроении.

— О настроении? — переспросила Лида. — Какую-то опустошенность. Всю себя оставила там, на дорожке...

Она еще не понимала, что совершила.

Много воды утекло с тех пор. Сколько событий произошло за это время в ее жизни. Закончила институт. Работала в Москве директором детской конькобежной школы «Локомотив». Преподавала в Высшей школе профдвижения. Закончила Академию общественных наук при ЦК КПСС, защитила диссертацию, стала кандидатом исторических наук. Работала в от-

деле физической культуры и спорта ВЦСПС.

Сейчас Лидия Павловна — заместитель председателя Всесоюзного совета ВДФСО профсоюзов. Должность ответственная. Иначе как по имени-отчеству и на «вы» к ней теперь не обращаются. Держится солидно, с достоинством (скажу по секрету, что 8 марта прошлого года ей исполнилось 50 лет). Но когда речь заходит об ее олимпийских победах, в глазах снова загорается лукавый огонек.

— Лидия Павловна, с какими трудностями вы сталкиваетесь в своей работе?

— Их много. Часто приходится самой принимать серьезные решения. Критерий у меня на этот счет один: превыше всего справедливость. Из-за этого иногда приходится портить отношения с людьми. Не люблю тех, кто лжет, изворачивается. И не скрываю этого. Для меня не важно, какой пост занимает человек. Важно, чтобы он был честным, порядочным и хорошо делал свое дело.

— Всегда ли вы бываете правы?

— Наверное, не всегда. Но у меня есть свои принципы в жизни. Никто меня никогда не убедит, что я могу прийти на работу и отсидеть положенные часы. Нет, я прихожу на работу работать. И что бы я ни дела-

ла — пусть буду хоть яму копать,— все равно буду стремиться выполнить эту работу лучше всех, все равно буду первая.

— У вас за плечами три Олимпиады и множество стартов на самых различных соревнованиях. Вы завоевали около ста медалей, из них сорок золотых. Но все это, как говорится, в прошлом. И читатели «Костра» почти ничего о вас не знают. Расскажите, пожалуйста, о себе.

— Родилась и выросла на Урале, в рабочей семье. Меня всегда окружали рабочие люди. Видела, как трудился мой отец. Видела людей, которые варили сталь. Это трудяги с мозолистыми руками и с чистыми сердцами. Вот с кого я всю жизнь беру пример.

С чего же началось восхождение на Олимп 15-летней девчушки из Златоуста? Давайте сначала поговорим с ее матерью.

— Клавдия Николаевна, вы помните первые шаги Лиды в спорте?

— А как же! Она еще, когда в школе училась, каждое лето ездила в пионерский лагерь и выигрывала там разные призы по бегу, прыжкам. В шестом классе уже была чемпионкой по лыжам. А потом уже на коньки-то встала, в классе восьмом — я уж запомнила.

— Что ее отличало в детстве?

— У нас перед домом была высоченная гора Косотур. Так она с самого верха каталась с мальчишками на санках, на лыжах. Такая сорви-голова — ничего не боялась! Даже у мальчишек была заводилой.

— А вы с самого начала поощряли увлечение Лиды спортом?

— Сначала мы с мужем боялись, что из-за тренировок она учиться будет хуже. Она ведь с восьмого класса начала по разным соревнованиям ездить, а в девятом даже в Москву уехала. Помню, ей тогда из Москвы велосипед за победу прислали. Уж как она радовалась! Школу Лида закончила очень хорошо. Потом в Челябинский институт поступила. Мы как-то успокоились. Вот только когда она ста-

ла летать то в Америку, то в Австрию, то в Японию, я за нее очень волновалась — ночи не спала...

Сама Лидия Павловна мне сказала:

— Это Урал выковал мой характер и помог подняться на Олимп.

— Но почему же он не вывел на олимпийский пьедестал ваших подруг из Златоуста, тысячи других мальчишек и девчонок? — спросила я. — Скажем, у человека есть талант. Но ведь надо, чтобы сложились условия, при которых талант мог бы по-настоящему раскрыться.

Лидия Скобликова:

— До сих пор я с большой признательностью и теплотой вспоминаю своего первого Учителя — с большой буквы — преподавателя физкультуры в моей родной школе в Златоусте Бориса Николаевича Мишина. Это человек удивительный. Он по-настоящему предан своему делу и сохранил эту преданность на всю жизнь. Это он привил мне любовь к спорту. Его хватало на все: и секции спортивные вести, и вечера спорта устраивать. И сейчас ходят с Мишиным ребята в туристские походы по Уралу. И сейчас он влюбляет ребятшек в спорт. Низкий ему от меня поклон.

Не могу не привести еще одно любопытное высказывание шестикратной олимпийской чемпионки:

— Сейчас при наборе детей в спортивные школы олимпийского резерва я тренерам советую: ищите бойких ребят и девчат, которые легко идут через трудности. Мы пришли в большой спорт именно такими.

Меня, например, этим качеством учила... улица. В детстве я с девочками не играла. Всегда дружила с мальчишками. Это у них, видно, я научилась бороться за лидерство. Иногда приходилось с ними драться. Было больно, даже очень. Но терпела — с улыбкой на лице. Надо было отстаивать свою правоту в этой мальчишечьей «стае». Многим мальчишкам от меня попадало. Их родители даже маме приходили жаловаться.

Когда мы пришли в сборную

страны чемпионами своих областей, городов, мы так этим гордились, что для нас даже чемпионы страны и мира не были авторитетами. Поразительно, но мы иногда считали себя чуть ли не выше их. Тогда основной костяк сборной составляли именитые конькобежки, чемпионки мира: свердловчанка Римма Жукова, ленинградка Лидия Селихова, москвичка Софья Кондакова. Они были в команде по нескольку лет, много раз выезжали за рубеж, люди заслуженные, опытные. Они-то и стали нас учить «уму-разуму». Учили уживаться в коллективе, уважать друг друга, помогать друг другу.

А дальше у нас разговор пошел «по душам»:

— Считаете ли вы себя счастливой?

— Да, считаю. В спорте о большем счастье и мечтать нельзя. Всю жизнь я занимаюсь интересным, нужным людям делом. Родился сын — большего счастья, наверное, и не было. Недавно мы с мужем отпраздновали «серебряную» свадьбу. Где-то, по-моему у Тургенева, я прочитала: счастье — оно как здоровье, если о нем не говорят, значит, оно есть. У нас в семье о нем не принято говорить. Живем дружно. Какое еще может быть счастье? Я другого не знаю.

...Ей часто снится: вот она скользит по зеркальной глади катка и первой пересекает линию финиша... Ну а в жизни? Часто ли она катается сейчас на коньках просто так, для души?

Лидия Скобликова:

— Очень редко. И никогда не сажусь «в посадку». Быстро кататься уже не могу, а тихо не желаю...

Так в чем же «феномен Лидии Скобликовой»? Вот уже четверть века никто не может его до конца разгадать.

Какой ценой добывается олимпийское золото? Никто не возьмется это определить. Может, и не надо? Пусть останется в каждой олимпийской победе неразгаданная тайна. Недоступная никому и никогда...

Лидия БОРОДИНА,
мастер спорта СССР

Весёлый

Звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Приходит на днях к Гоше домой его старый приятель Сергей. В руках держит клетку с красивым попугаем.

— Редкий представитель африканской фауны, — представил его Сережа. — Зовут Жако.

— Говорящий? — поинтересовался Гоша.

— Вполне, — ответил Сергей. — Когда у него хорошее настроение, начинает излагать умные вещи.

Попугай в знак согласия качнул красным хвостом и уставился на Гошу внимательными круглыми глазами, словно приглашая к дружеской беседе.

— Ну, Жако, что новенького? — начал Гоша. — Как дела?

— Верникнигу! — неожиданно крикнула птица, лихо крутанув «солнце» вокруг жердочки. — Верникнигу!

— Какую еще книгу? — неестественным голосом спросил Гоша и посмотрел на Сережу. Тот молча взирал через окно на желтую от вечернего солнца улицу.

— Верникнигу! — настаивал попугай.

— А-а, ты имеешь в виду... — Гоша подошел к книжному шкафу, покопался там и вытащил толстый «Зарубежный детектив». — На! — Он протянул книгу Сергею. — Все собирался тебе отдать... Хорошо, попугай напомнил!

— Верни книгу! — вдруг заорал Жако с новой силой.

— Чего пристал?! — возмутился Гоша. — Что он у тебя других слов не знает? Я же отдал!

— Верни книгу, говорят! — верещала вредная птица.

Гоша вздохнул и снова подошел к шкафу, встал на стул и с верхней полки достал сборник «Мир приключений» в яркой суперобложке.

— Вот... Совсем забыл. В прошлом году у тебя брал. — На, возьми.

Сережа взял книги и положил в сумку. Попугай удовлетворенно молчал.

— Ну, я пошел, — сказал Сережа.

— Куда двинешь?

— К Лешке Попову.

— А-а... И много у него?

— Пять штук. Два года держит! — И, взяв клетку, Сережа направился к выходу.

Владимир ЛОМАНЫЙ

В магазине

— Не задерживайте, тетя,
Поскорее дайте чек!

— Чек-то выбить я не против,
Но такое на работе
В первый раз за целый век!
Небывалый случай прямо!

Ты уверен или нет,
Что тебе велела мама
Взять картошки ДВЕСТИ ГРАММОВ
И КИЛО ПЯТЬСОТ конфет?

Юрий ПОГОРЕЛЬСКИЙ

Конкурс

„И все засмеялись!“

Напоминаю условия нашего конкурса. Приглашаются участвовать все, кто умеет наблюдать и имеет чувство юмора. Не приглашаются те, кто не умеет мыслить самостоятельно, а просто списывает готовое из журналов и книг и выдает за свое.

Нужно вспомнить смешной случай, который произошел в школе, дома или в пионерлагере, записать его в виде маленького рассказа с последней фразой «И все засмеялись!» и прислать его мне по адресу: **193024, Ленинград, Мытнинская 1/20, «Костер». Учителю смеха.** К сожалению, отвечать на ваши письма я не имею возможности, так как на конкурс приходят тысячи писем. Но все же подробный обратный адрес, а также ваши имя и фамилию указывайте обязательно, чтобы я знал, куда высылать приз (если, конечно, вы победите). А какой приз? Это — веселая книжка и юмористический диплом. И, конечно же, лучшие рассказы будут напечатаны. Все ясно?

Желаю успеха.

Ваш учитель смеха

В классе было жарко — сильно грелись батареи отопления. Вдруг Андрей поднял руку.
— Что тебе? — спросила Екатерина Анисимовна.
Андрей ответил:
— Включите, пожалуйста, форточку!
И все засмеялись!

Денис Малыгин,
Братск

На уроке истории учитель вызвал Синичкину и спросил:

— Как жители русских городов оборонялись от нашествия монголо-татар?

Ученица ответила:

— В осажденных городах даже женщины и дети помогали мужчинам. Они лили на них смолу и горячую воду!
И все засмеялись!

Сергей Rogovcov,
Могилев

На уроке русского языка мы писали диктант. Учитель диктовал:

— Из припудренной снегом хвои высунулась длинная морда...

В это время Дима выкрикнул:

— Это была лиса!

А учитель продолжал:

— ...увенчанная тяжелыми, ветвистыми рогами.

И все засмеялись!

Наташа Черкашина,
6-й класс, г. Кызыл
Тувинской АССР

Шел урок физики. Учитель объяснил новую тему, а потом вызвал Сергея и задал ему несколько вопросов. Тот ответил все правильно.

Когда Сергей сел на свое место, его сосед по парте погладил Сережу по голове и сказал:

— Молодец! Голова профессора Доуэля!

И все засмеялись!

Сергея Туренко,
6-й класс,
г. Торез Донецкой обл.

— Какие достижения науки были в Древнем Египте?

— Они знали математику, геометрию и русский язык.

— Почему ты опоздал на урок?

— Я случайно упал в лужу и вернулся домой, чтобы переодеться и заодно... пообедать...

— Придумай предложение со словами «вследствие неисправности».

— Вследствие неисправности железнодорожных путей рейс самолета задерживается.

— Какие ты знаешь электроприборы?

— Электроутюг, гладильная доска...

— Почему за тебя уроки делает отец?

— А маме некогда — у нее очень много дел по хозяйству!

Прислали:
Алина Мясоедова
(Ленинград),
Таня Чиканова
(Белорецк),
Оля Зозуля

(пос. Алискерово Магаданской обл.),
Лариса Михеева

(Тула),

Надя Кулакова
(с. Усакла Куйбышевской обл.).

ВСЕ О СИНЕЙ БОРОДЕ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Такая история повторялась чуть не каждый день. Старший откладывал карандаш, бесшумно вставал и тихо пристраивался за спиной у брата. Он внимательно следил за рисованием младшего и вдруг, решив, что пора, выхватывал у него из-под руки плотный шершавый лист. Иногда, правда, младший успевал заметить у себя в тылу подозрительные маневры и наваливался животом на свой рисунок, но чаще везло старшему. Он уносил взятый с бою лист на свой стол и, не обращая внимания на протесты брата, быстрыми, уверенными штрихами заканчивал рисунок.

Когда рисование у братьев получалось очень уж громким, отец уходил от своего мольберта, разводил сыновей по местам, а сам некоторое время рассматривал измявшийся листок, уж кто-кто, а он отлично знал, как рисуют его сыновья, но странное дело — на этих общих рисунках, из-за которых в мастерской бывало столько шума, получалось что-то вовсе неожиданное: совсем еще детское рисование Валерия отваливалось от четкого, определенного рисунка Александра. На листе получалась не путаница из линий и цветных пятен, а что-то новое, непохожее на работу каждого из братьев по отдельности. Если бы Валерий не сопротивлялся так всякий раз, можно было подумать, что они с Александром заранее договариваются, кому что рисовать.

Да, совсем не сразу поняли будущие художники братья Трауготы, что эта похожая на игру странная привычка Александра была для них чем-то вроде репетиции. Как будто далекая взрослая жизнь заглядывала в их светлую ленинградскую комнату на Большой Пушкинской. Заглядывала перед долгой разлукой...

Мастерская опустела скоро.

Теперь, когда братьев спрашивают, что они делали, как жили во время войны, они от-

вечают очень просто: «Рисовали». И сначала это кажется удивительным. Как же так в самом деле? Одного увезли за тридевять земель от дома, другой в холодном и голодном городе, кругом — война, а они рисуют. Только в том-то и дело, что никогда рисование не было для братьев просто забавой. И то, что их отец и во время войны остался художником — он маскировал аэродромы и артиллерийские батареи, — все это как будто бы подсказывало братьям, что там, в мастерской на Петроградской стороне, началось их самое главное дело.

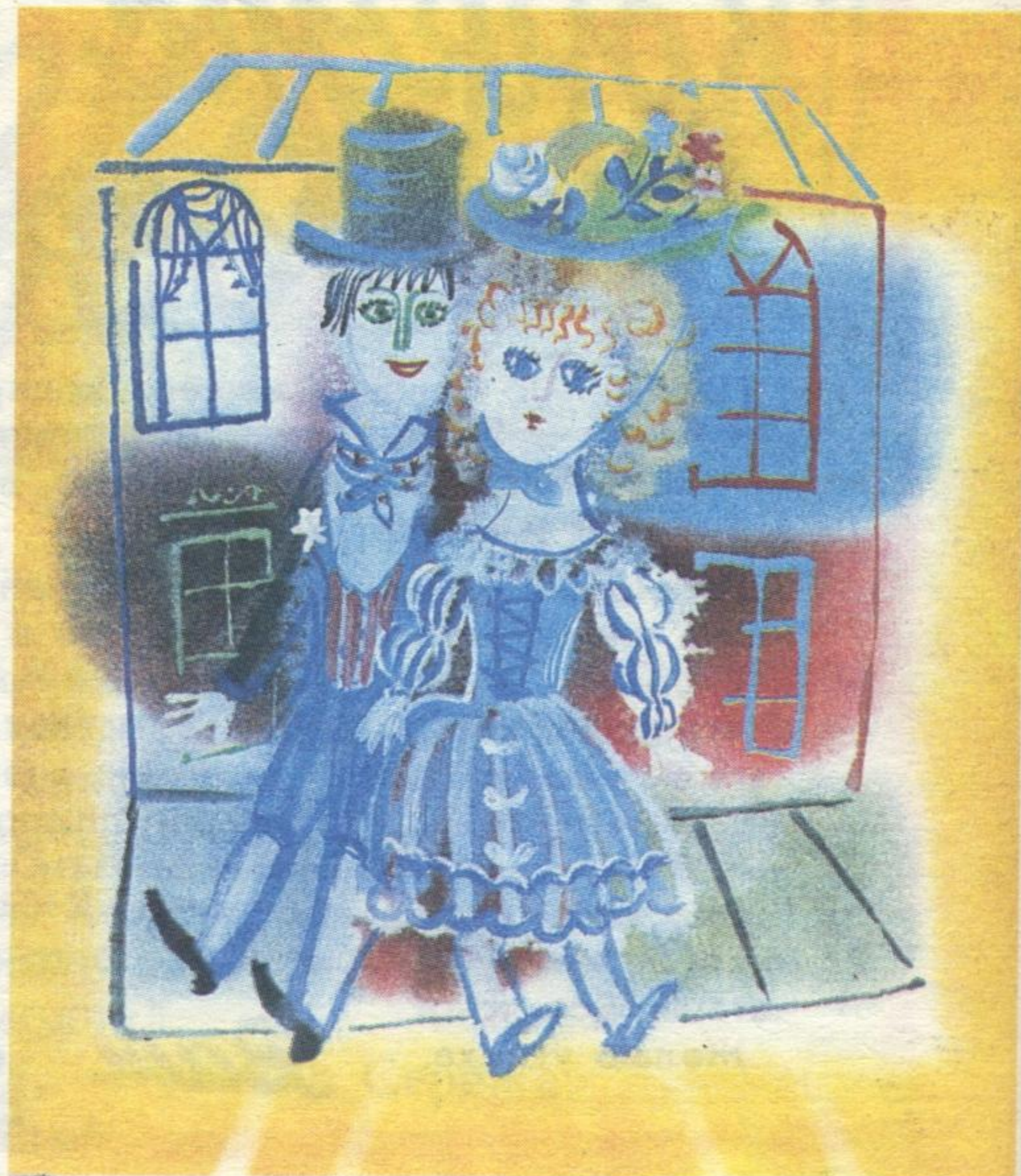
А потом было возвращение в Ленинград, и была учеба в художественной школе. Теперь уж Валерий не обижался, когда Александр брался за его рисунки, даже свои школьные задания братья рисовали сообща. Тайком, конечно. Ведь в художественной школе тоже не разрешают списывать, а до выхода первой нарисованной братьями книги оставалось еще много времени...

Тщательно вырисованные рыцари в удивительных шлемах скачут с листа на лист на укрытых латами конях.

А вслед за рыцарями — зарисовки старинной утвари из древних поваренных книг и вполне современных музеев, а дальше — чьи-то лица...

Когда принимаешься листать нарисованные братьями книги, то и тут поначалу ожидаешь тех же подробностей, того же пристального внимания к мельчайшим деталям, ко всему, что только упоминается в тексте. Однако с первой же книги Трауготов — сказки Шарля Перро «Синяя Борода» — выясняется, что художники вовсе не ощущают себя подмастерьями писателя. И очень интересно следить за тем, как они встают рядом с автором и вместе с ним ведут рассказ...

Скачут на прекрасных конях гости Синеи Бороды, рядом с конскими копытами вытягиваются в беге гончие, и олень убе-

гает, закинув свою рогатую голову. Охота, королевская забава...

Целый разворот заняли художники этой живописной картиной, а в сказке — одна фраза: «Гости проводили время очень весело: они гуляли, ездили на охоту, пировали целые ночи напролет, забыв о сне». Стоит задуматься, почему Трауготов привлекла такая мало-значительная деталь. Может, это просто желание полней показать свое мастерство и нет здесь никакой премудрости?

Но вот проходит десять с небольшим лет, и художники снова возвращаются к героям Перро. Теперь это большая книга, и «Синяя Борода» — одна из многих помещенных здесь сказок. Перечитываешь знакомую историю и видишь — на рисунках появляются сцены, которых вовсе нет в сказках.

Ждет несчастная женщина своих братьев, и кажется ей, что это они скачут в облаке пыли к замку Синей Бороды. Но нет — всего лишь пастух гонит стадо овец. Однако не только пастух появился на иллюстрациях к сказке. Здесь и пахарь, идущий за плугом, и дровосек с топором у поваленного дерева, и часовня — такая маленькая, какой ее можно увидеть только с высокой башни замка. Нет, не просто так рядом с героями сказки появились люди, о которых Перро не писал ни слова, и часовня, придуманная художниками, не зря оказалась в окрестностях великолепного замка. Бережно, искусно выстраивают братья Трауготы волшебную страну, и кажется, что именно там повстречал Перро своих героев, увидел их огромные замки и убогие хижины.

Художники не повторяют того, что читатель может прочесть и сам. Иллюстрирование не должно послушно следовать за словом, считают они, задача художника разглядеть в книге то, что может быть выражено только рисунком.

Когда на фабрике печаталась сказка «Синяя Борода» и художники разглядывали первые отпечатанные экземпляры, к ним подошел человек. Он пос-

мотрел на братьев укоризненно и спросил: «Вы рисовали?», и братья ответили: «Да». — «Эх, вы, — сказал человек. — Разве можно сочинять такие страшные сказки?»

Смешная, конечно, история. Взрослый человек, а не знает, что «Синюю Бороду» сочинил Перро. Только дело-то, видно, не в одном незнании, и совсем не случайно показалось строгому читателю, что такие иллюстрации могли нарисовать только те, кто сочинил и саму сказку. А иначе как бы у них получились такие сказочные и в то же время настоящие герои?

В одном ленинградском институте разбирали старые гербарии. Засушенные цветы и травы давным-давно распались от ветхости, и оставалось только решить, куда вынести эти стопы пожелтевшей бумаги, которой были переложены собранные в огромные шкафы растения.

Поначалу Валерия Георгиевича привлекло только качество этой бумаги. На плотную, чуть пожелтевшую поверхность замечательно ложились краски. Уже потом, складывая бумагу дома на огромном столе, он увидел в углу одного из листов надпись: «1848 г.» Чернила от времени выцвели, но высокие, с небольшим наклоном цифры видны были отчетливо. Сразу почему-то пришла мысль о том, что эту бумагу могли сделать еще при жизни Пушкина. Художник подумал, аккуратно сложил листы и сдвинул их в сторону.

Недавно у братьев появились новые рисунки. Некоторые из них кажутся удивительно похожими друг на друга, и это значит, что Трауготы всерьез взялись за новую работу. Когда придет время, братья отберут лучшее из сделанного, и работа над книгой двинется дальше. Это будет пушкинский «Медный всадник», а пока в мастерской становится все больше рисунков, сделанных на плотной желтоватой бумаге, на которую так хорошо ложатся краски.

Андрей ЕФРЕМОВ

КТО ТАКОЙ БАРАБАШКА, ИЛИ

ПРОДЕЛКИ
КВАРТИРНЫХ
НЕВИДИМОК

Старинный дом с бордовым фасадом в одном из тихих уголков Москвы до сих пор привлекает внимание множества любопытных. Именно здесь два года назад разыгрались крайне загадочные и даже пугающие события. А начались они с того момента, когда в одну из квартир этого дома, превращенного в общежитие строителей, въехали три подружки: Фирюза, Таня и Флюза. Они хотели поступить учиться в институт, да не прошли по конкурсу. Решили вновь поступать в следующем году. А пока освоили профессию маляра и начали работать, коротая вечера за учебниками.

И вот однажды около полуночи к ним кто-то сильно постучал. Открыли — никого! Еще стук — опять никого. Девушки насторожились, и не зря: дверь вдруг закрипела и... сама собой отворилась! Перепуганные квартирантки в оцепенении смотрели в черный проем. Никого! А дверь снова тихо закрылась...

Девушки стали звать на помощь соседей. Те прибежали, зажали дверь полотенцем, но не тут-то было! Более-менее терпимый стук в дверь превратился в невероятный грохот! Пришлось отвязать полотенце. С тех пор и стал жить невидимка в квартире девушек. И вскоре они с ним подружились. Говорят: «Зовем Барабашкой. Он, вообще-то, не вредный. Разговаривает с нами стуком. На вопросы отвечает: «да» — один стук, «нет» — два». Соседи не верили, старались проверить реальность этого чуда. Задавали Барабашке вопросы «на засыпку»: о числе комнат на загородной даче, о количестве букв в их фамилиях, о номерах телефонов... Получив точный ответ в виде определенного числа ударов, пораженные, уходили.

Так и хочется назвать эту историю сплошной выдумкой. Да вот беда: письма с подобными происшествиями шлют из Минска, Владивостока, Одессы, Сыктывкара. А в Ленинграде даже показали квартиру со своим Барабашкой в телевизионной программе «600 секунд». И чем больше накапливается таких случаев, тем чаще встреча-

ются среди них совсем уж сказочные сюжеты...

Пятиклассница Оля убеждена, что в их квартире на одесской улице Бебеля тоже поселился невидимка. Дедушка Оли, бывший военный летчик, позвал милицию. Пришли капитан милиции и старший сержант. Сидят, разговаривают. Потом пришла Оля с одноклассницей. Вдруг из соседней комнаты, где никого не было, полетели... игрушки, расческа, баллончик дезодоранта, пластмассовая крышка. Милиционеры смотрели, недоуменно пожимали плечами, и — ничего не поняли! Когда Оля навестила бабушку на улице Терешковой, вещи начали летать и в той квартире.

Года два назад многие наши газеты писали об «огненном мальчике» из города Енакиеве Донецкой области. Около мальчика постоянно вспыхивали... пожары! Возникали они и в присутствии милиции и пожарных. Опять Барабашка? Похоже, что да. Судите сами: в квартире, где живет этот мальчик с родителями, ни с того ни с сего полопались все электрические лампочки! Даже те, которые не были ввернуты в патроны. Внезапно взорвалась бутылка с уксусом, разбив окно. Однажды подпрыгнул сам по себе и упал трехстворчатый шкаф, затем перевернулась вверх дном стиральная машина, а от двери через весь коридор полетела туфля и вылетела в кухонное окно...

Может быть, Барабашка — это дитя нашего просвещенного, но беспокойного времени? Увы, нет. Просто раньше о таких вещах не писали, — боясь, что читатели напугаются «нечистой силы». Но теперь поняли: недопустимо утаивать от людей реальные события, какими бы странными и загадочными они ни были. Только зная точно о необъяснимых явлени-

ях, можно надеяться понять с помощью науки их причины. А там недалеко до практической пользы новых открытий.

Ученые в последнее время начинают благосклонно относиться к Барабашке. Правда, они предпочитают называть его иначе — полтергейстом, что значит по-немецки «буйный дух». Этот термин сохранился со времен увлечения спиритическими сеансами, когда, скажем, верчение фарфоровых блюдец по кругу с буквами объяснялось присутствием души («духа») умершего человека. Но сейчас есть основания считать, что Барабашки, или полтергейсты действуют при неосознанном участии живых людей.

...На сцене пятеро добровольцев. Альберт Венедиктович Игнатенко, показывающий на эстраде некоторые действия Барабашки, отошел к краю сцены и пристально посмотрел на добровольцев. Затем он сделал еле заметное движение в сторону одного из улыбающихся парней и тот — согнулся пополам, взлетел на полтора метра и развернулся в воздухе! Растерявшиеся товарищи еле успели его подхватить.

Что же произошло? Силовой импульс гипнотизера передался на расстояние в несколько метров. То же бывает и при полтергейсте. Значит, как считают некоторые ученые, человек при определенных условиях может быть «бесконтрольным проводником высоких энергий космического происхождения»! Это мнение как будто подтверждается опытами знаменитого на западе экстрасенса Ури Геллера — человека, «который гнет вилки», как его назвал в свое время наш еженедельник «За рубежом». Так вот, однажды этот человек под прицелом телевизионных камер встал на трамвайную линию лицом к приближающемуся трамваю и

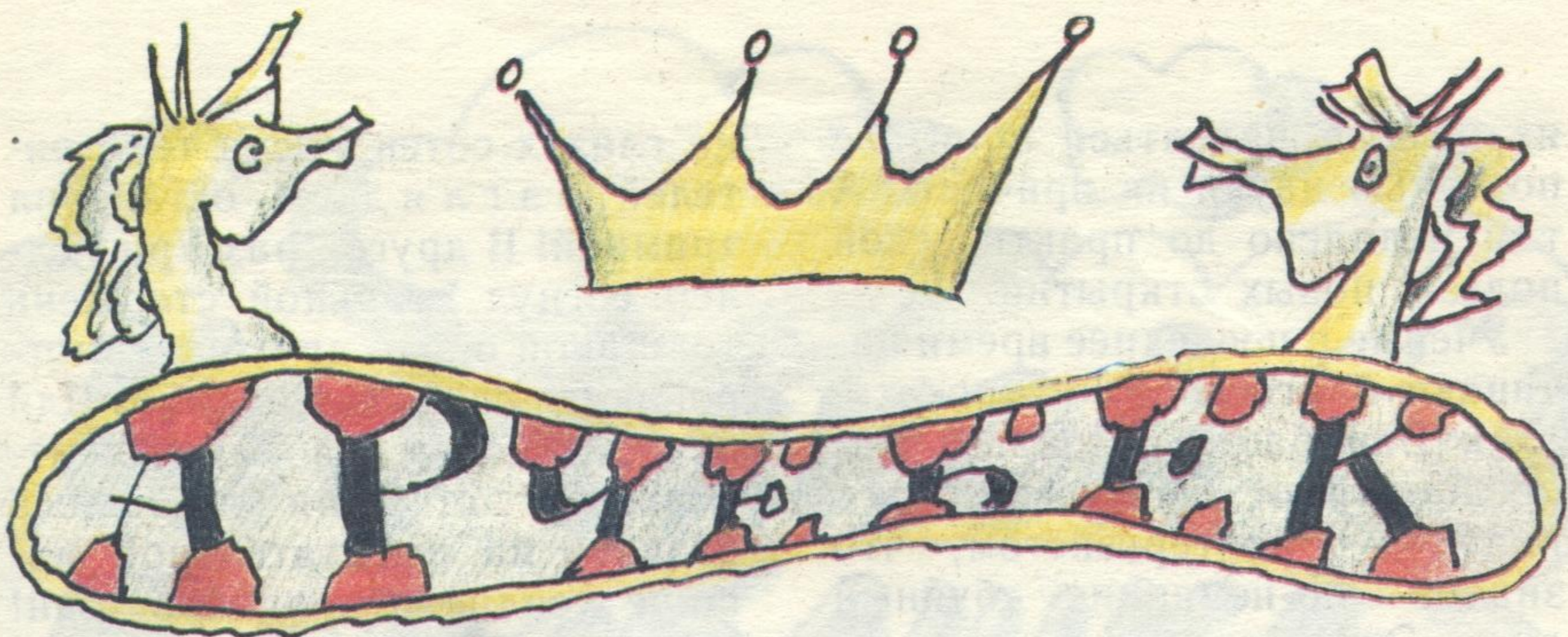
на глазах сотен тысяч телезрителей взглядом остановил трамвай! В другой раз Ури Геллер согнул стальной стержень толщиной около двух сантиметров, не касаясь его руками. Для аналогичного сгибания контрольного стержня пришлось развить на испытательной машине усилие в двадцать тонн!

Может быть, верна легенда о перемещении многотонных истуканов на острове Пасхи с помощью таинственной силы «ману», которую будто бы умели призывать на помощь жрецы? А ведь много на свете гигантских каменных памятников старины, удивляющих своим весом и размерами нынешних инженеров. Стоит вспомнить хотя бы пирамиду Хеопса, сложенную из миллионов тяжелейших камней...

Да, сегодня мы еще очень далеки от понимания истинной природы таких загадочных явлений, как полтергейст или, например, НЛО. А что касается Барабашки на тихой московской улице, то его сначала «объяснили»... щелканьем пальцев на ноге одной из девушек — Фирюзы! Как бы хотелось поверить в это! Сразу бы всю таинственность как рукой сняло. Но... не получается. После отъезда девушек из общежития в опустевшую квартиру вошла женщина — комендант. Все проверила, что положено при выезде квартирантов, и ради шутки — громко спросила: «Барабашка! Ты здесь?» В ответ — тишина. «Так я и думала, — решила женщина. — И зачем надо было Фирюзе так озорничать?» Посмотрела еще раз вокруг, вздохнула и повернулась к двери, чтобы выйти. Только собралась шагнуть на лестничную площадку и вдруг явственно услышала четкий и сильный удар в половицу...

Г. ЛИСОВ

Рисунок В. Шаронова

АРЧЕБЕК — ЭТО ЧТО?

АРЧЕБЕК — Армия Разведчиков Черно-Белых Клеток. Командует ею знаменитый непобедимый шахмат-адмирал Ферзьбери. Арчебековцы выполняют боевые задания, приобретают сведения из теории и истории, овладевают искусством побеждать. Благодаря всему этому они нередко становятся чемпионами класса, школы, а то и города.

Двери АРЧЕБЕКА открыты для всех, всех, всех! Принимаются мальчики и девочки, первоклассники и десятиклассники, разрядники и новички, и даже вовсе не умеющие играть (они попадают в особый Отряд Резерва, где проходят необходимую подготовку).

Каждый вступивший в АРЧЕБЕК становится разведчиком и получает право бороться за призы, дипломы и спортивные разряды:

- в чемпионате Армии Разведчиков Черно-Белых Клеток (в № 1—10);
- в конкурсе «Майский приз» (в № 5);
- в конкурсе «Я — композитор!» (составление задач, в № 7),
- в конкурсе «Первый шаг» (в № 9),
- в конкурсе «Новогодний приз» (в № 12).

Что нужно сделать, чтобы стать разведчиком АРЧЕБЕКА?

Сейчас же взяв бумагу (а лучше почтовую карточку), сесть за стол и написать заявку: «Прошу принять меня...» и т. д. Надо указать там фамилию, имя, класс, разряд (если есть) и свой адрес. А также вид, в котором ты хочешь участвовать: шахматы (ШХМ), русские шашки (РШ), международные шашки (МШ). Выбрать можно один вид, два или все три, но заявки (а потом и рапорты о выполнении заданий) следует написать раздельно и послать их по адресу: 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК.

И еще. Так как все написавшие заявку будут приняты, то ответа на нее ждать не надо: отправил, значит, стал разведчиком АРЧЕБЕКА, выполняй боевые задания, пиши рапорт с решениями и получай за них очки. Успеха тебе!

ЧЕМПИОНАТ — 90

Условия Чемпионата такие:

1. Разряд, диплом, приз — все это удастся завоевать в финале (№ 8—10). Итоги для мальчиков и для девочек будут подводиться отдельно. Подробности о финале в № 8.

2. Попадут в финал набравшие в отборочных состязаниях (№ 1—7) 40 очков из 70 возможных (14 боевых заданий по 5 очков за каждое).

3. Узнавать, верен ли рапорт и начислены ли за него очки, разведчики смогут в «Бюро самопроверки» (начнет действовать в № 3). Письмом шахмат-адмирал будет отвечать только тем, кому необходима немедленная помощь.

Итак, доблестные разведчики, вот боевые задания 1-го тура.

ШАХМАТЫ

А. Белые: Крб5, Фа1, Лг2, Ке5, п. е3; черные: Кре4.

Б. Белые: Крf2, Фd5, Ла3, Кг1; черные: Крh2, Сg4, п. h3.

Цель разведки: и в А и в Б (автор обеих Николай Зиновьев, Усть-Каменогорск) объявить черному королю мат в два хода.

Разъяснение обстановки:

1) в задачах первый ход всегда делают белые;

2) белые пешки всегда идут вверх (от второй линии к восьмой), а черные пешки — вниз (от седьмой линии к первой);

3) как решить двухходовую задачу и записать решение — смотри дальше.

РУССКИЕ ШАШКИ

А. Белые: d2, f4, g1, g3; черные: a5, b2, b4, f6.

Б. Белые: b6, c7, d2, f2; черные: b2, d4, d8, h2.

Цель разведки: и в А и в Б найти пути к победе белых.

Разъяснение обстановки: чтобы выиграть, в А нужно не пропустить в дамки черную простую b2, а в Б — простые b2 и h2. Этого можно добиться, проведя комбинации (кто не знает, что это такое, может спросить в отдельном письме у Ферзьбери).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ

А. Белые: 34, 45, 47, 49, 50; черные: 24, 27, 35, 38, 42.

Б. Белые: пр. 36, 41, 47, 48; черные: Д. 28, пр. 26.

Цель разведки: показать, как белые могут выиграть.

Разъяснение обстановки:

1) в МШ доска столклеточная (10×10), а запись ходов цифровая. Каждому игровому (темному) полю присвоен номер: счет идет от левого верхнего поля (1) к правому нижнему (50);

2) МШ оличаются от РШ тремя правилами — они будут напечатаны позже (в заданиях 1-го тура эти правила применения не находят);

3) Д. — дамка, пр. — простая.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

В резерв зачисляются еще не умеющие играть. Им, чтобы получить 5 очков, нужно:

А. Узнать, как ходят фигуры — ко-

роль (Кр), ферзь (Ф), ладья (Л), слон (С), конь (К), пешка (п.).

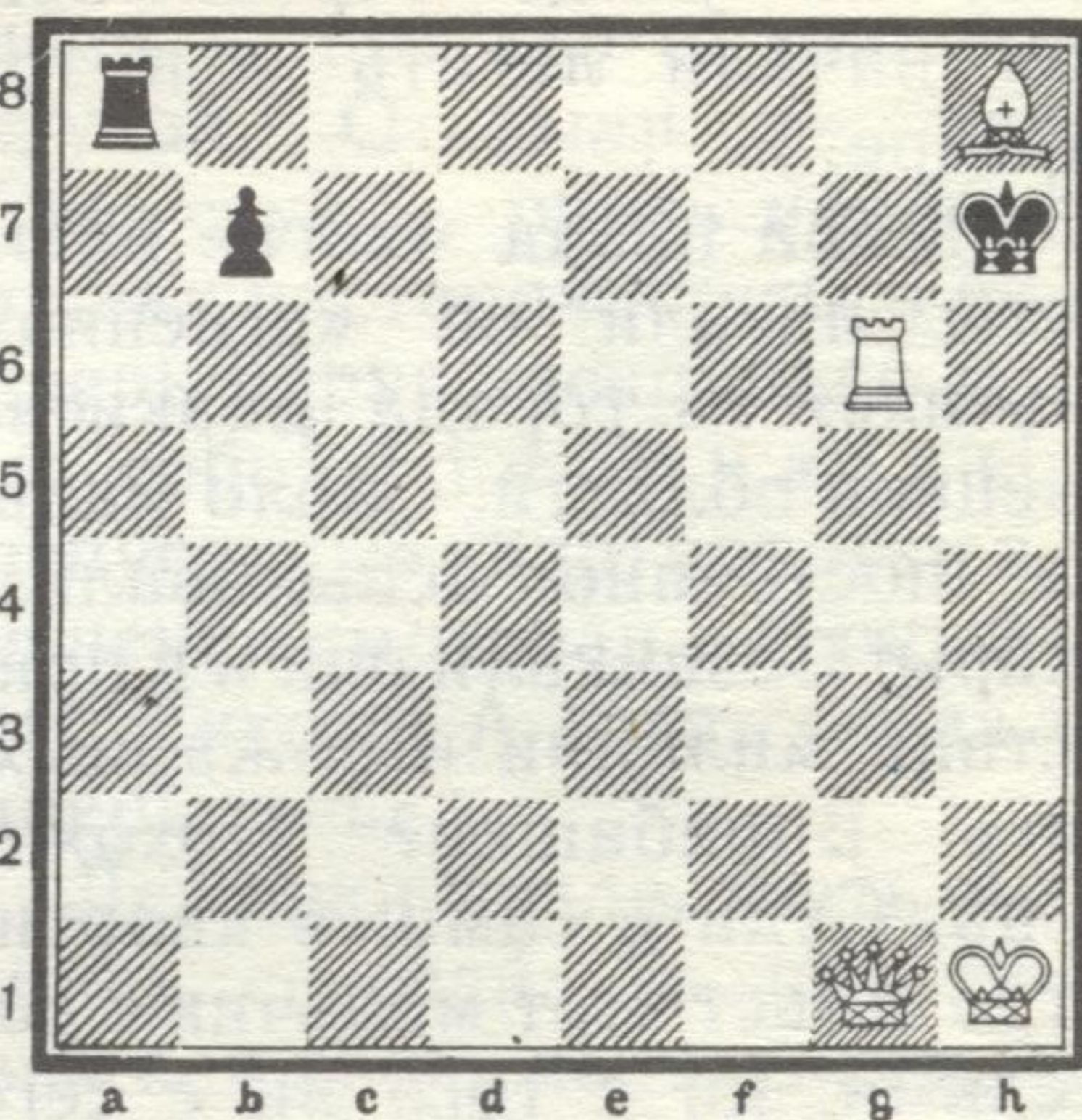
Б. Узнать, что такое шах, мат, пат.

В. Придумать, нарисовать и прислать три позиции — с шахом, с матом, с патом.

Г. Решить задачу (Николай Зиновьев) — белые: Крh6, Кг6, п. е7; черные: Крg8. Требуется указать: 1) ход, объявляющий шах, 2) ход, объявляющий мат, 3) ход, создающий пат, 4) ходы без пата, мата, шаха, но сохраняющие белым выигрыш, 5) ход без мата, шаха, пата, упускающий выигрыш.

КАК ОБЪЯВЛЯЮТ МАТ В 2 ХОДА

Задание «объявить мат в 2 хода» означает: **нужно найти за белых такой ход, который обеспечит королю черных мат при любом их ответе.** Вот пояснительный пример Николая Зиновьева (см. диаграмму).

Требуется объявить мат в 2 хода. Как это выполнить? Какой сделать первый ход? Будем пробовать... Может быть, 1.Лг3 с угрозами 2.Лh3X или 2.Фh2X? Успех? Нет! От обеих угроз черных защитит ответ 1... Ла6. Тогда, может быть, 1.Фg5 с угрозой 2.Фh6X? Нет: черные ответят шахом — 1... Ла1+. Может быть, 1. Леб с угрозой 2.Фg7X? Ведь теперь, если 1... Лg8 (чтобы не допустить 2.Фg7X), то 2.Фh2X. Кажется, успех? Опять-таки нет! У черных и тут находится защита: 1... Ла1!, после чего ферзь, как говорится, связан — он не может уйти с первой линии, так как белый король окажется под шахом. И, наконец, в голову приходит ход Ла6. Поверяем, и — о, радость! — ни один ответ черных от мата их не спасает. Смотри: 1... Л:a6 2.Фg7X, 1... Лg8 2.Фh2X, 1... Л:h8, 2. Фg6X, 1... Кр:h8 2.Лh6X.

Итак, задачу решает ход 1. Ла6! Это и напиши в рапорте.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§1. Рапорты о выполнении заданий писать на открытках или почтовых карточках и не вкладывать их в конверт.

§2. Выбрать для себя пароль (слово или фразу) и указывать его в левом верхнем углу рапорта.

§3. Рапорт отправить в течение двух недель, считая от дня получения журнала.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

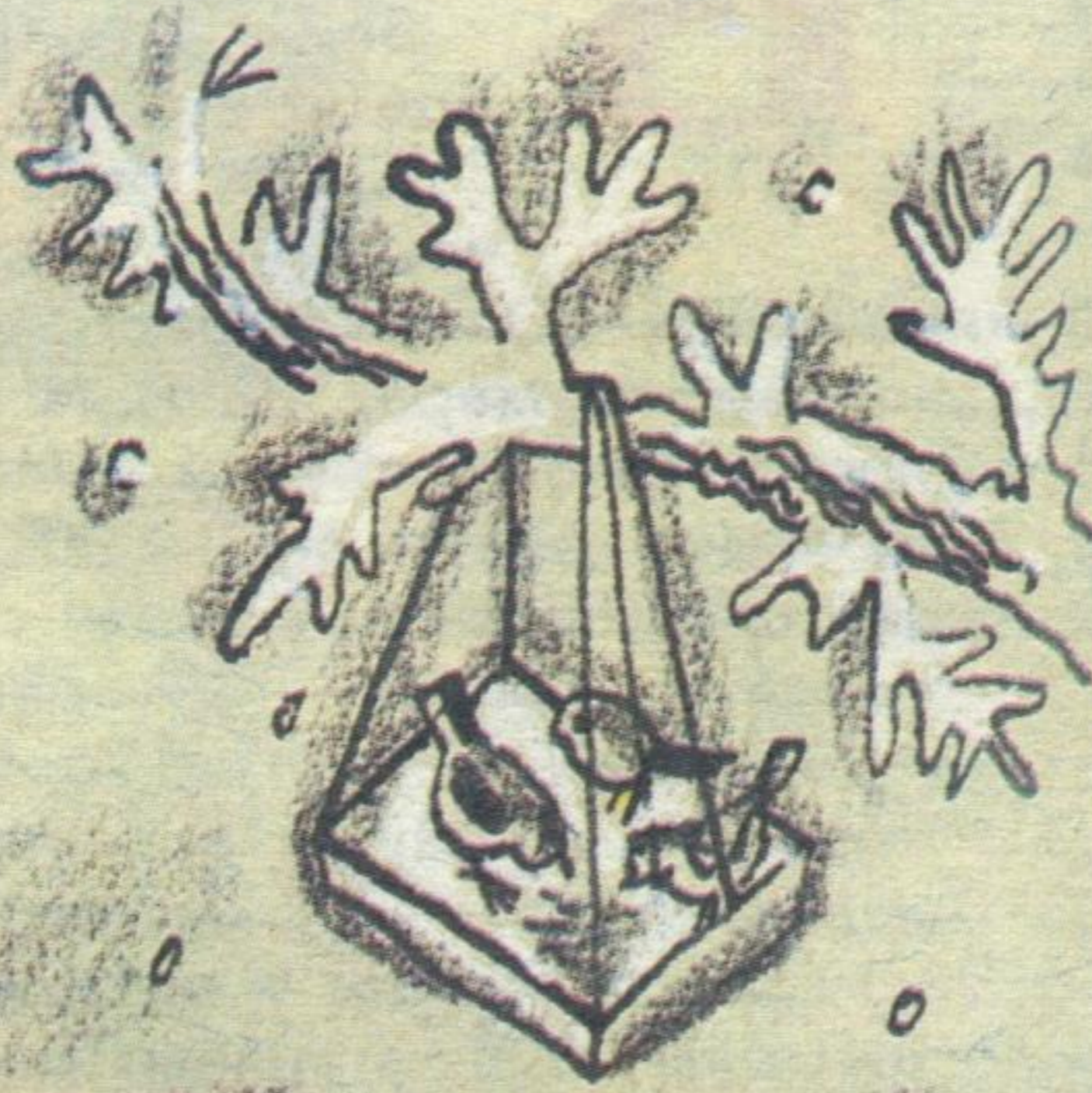

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Даниле Меймухину из Ростова-на-Дону всего 9 лет. Стихи он начал писать недавно. Причем сочиняет их, когда никого нет дома. Может быть, для вдохновения ему нужна полная тишина. А может, Данила просто стесняется своего увлечения. Но, как мы думаем, стесняется он напрасно.

ЗИМА

Наступила зима
И засыпала корма.
Трудно птицам:
Снегирям, синицам.
Умирать не хочется,
Очень кушать хочется!

Четвероклассник **Слава Горбачевич** из Ленинграда сумел написать настоящее философское стихотворение. Хотя поводом для него послужило, казалось бы, самое обыденное происшествие...

КАЧЕЛИ

У нас во дворе стояли качели,
От детских забав и от ветра скрипели.
Однажды я вдруг заболел и охрип
И день ото дня слушал мирный их скрип.

Но как-то под вечер, на прошлой неделе,
Строители-дяди сломали качели.
Соседи кричали: «Они надоели!
Настал, слава богу, конец канители!»

И мама сказала: «Все ж легче нам жить.
Не будут, как волки, они больше выть».

Но я ей ответил: «Они не скрипели,
Они свою песню пропашую пели.
И волки в лесу, они тоже поют
И воем своим
Гимн луне воздают!»

Москвич **Володя Павлов** пишет прозу и исключительно фантастику. В последнем своем рассказе он также остался верен любимому жанру.

НЕВОСПИТАННЫЙ ПОДАРОК

У косморазведчиков сложилась традиция: во время полета отмечались дни рождения членов экипажа. В самом начале рейса косморазведчики отметили день рождения первого пилота. Экипаж, зная его увлечения, подарил ему карманный компьютер, который мог служить как радио, телевизор, рация, магнитофон, кинокамера и фонарик. Командиру звездолета подарили шуточный подарок — живого кенгуру. Теперь приближался день рождения биолога Валерия. Ему тоже приготовили подарок, и по своей необычности он превосходил все остальные.

Из раскрытой коробки на Валерия смотрел небольшой, размером с котенка, зелененький зверек — дракончик с тремя остренькими мордочками на длинных шеях, с двумя небольшими крылышками, длинным хвостиком и когтистыми лапками. Дракончик вертел своими головками, осматривая помещение.

— Настоящий дракон?! — не поверил Валерий. Дракона раздобыл командир у ребят из космозоопарка.

— Имя ему придумай сам, — попросил командир.

— Будет он у нас Васей, — сказал Валерий. — Васи в нашем экипаже нет.

Косморазведчикам имя понравилось, а механик и повар звездолета пригласил всех за праздничный стол, где стоял торт — чудо кулинарного искусства. Но тут взвыла сирена и раздался голос робота:

— Справа по борту «бешеная комета»!

«Бешеной» называлась комета, не имеющая собственной орбиты. Она шла, как хотела, и в любую минуту могла столкнуться с кораблем. Космонавты бросились в кабину управления. В такие минуты нужно, чтобы кораблем управлял человек. Когда же опасность миновала, косморазведчики вернулись в зал и обнаружили на столе ужасный разгром. Вершина кулинарного искусства повара-механика была наполовину съедена. Виновник беспорядка, нареченный Васей, спокойно спал в одной из тарелок. Все, кроме повара, смеялись, а тот, бросая яростные взгляды на дракошу, сказал:

— Его надо посадить в клетку!

— Зачем же в клетку? — ответил Валерий. — Пусть себе спит.

— Торжественная трапеза, — командир посмотрел на часы, — переносится на три часа. А пока всем заниматься своими делами.

Члены экипажа, все еще усмехаясь, разошлись, а рассерженный повар раздраженно стряхнул спящего Васю с тарелки, унес посуду и стал печь новый торт. А дракончик продолжал мирно спать.

Рисунок Н. Куликовой

Ежегодно в первом номере журнала Маша-искусница объявляет традиционный конкурс. В его условиях каждый раз оговаривается: РАБОТЫ ПРИНИМАЮТСЯ ДО ИЮЛЯ. Очень жаль, что это условие выполняют не все. Особенно обидно, когда опаздывают хорошие работы, такие, как у Маши Шумиловой и Тани Сериковой из Тулы, Дианы Поповой из Тал-

линна, Лены Романовой из Ижевска. Опоздала и прекрасная лошадка с золотыми копытцами, которую сделали Денис Суворкин, Оля Озерова, Арина Стараданова и Надя Преданникова из Челябинска. Эти ребята учатся в пятом классе 96-й школы имени Э. Тельмана. Класс этот — ты видишь его на фотографии — не совсем обычный. Во-первых, ребята углубленно изучают немецкий язык, а во-вторых, классная руководительница, учительница немецкого языка Людмила Викторовна Степура занимается с ними мягкой игрушкой. Работы

сдают в городские магазины. В прошлом учебном году сшили 170 игрушек на 700 рублей. Самое интересное, что и мальчики ничуть не отстают от девочек.

А теперь — ВНИМАНИЕ! МАША-ИСКУСНИЦА ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС-90.

Какая девочка не хочет быть красивой на школьном выпускном балу! Одни придерживаются традиции и шьют нарядное светлое платье. Другие рассуждают проще и практичнее: если и шить специально для школьного вечера, то наряд должен быть таков, чтоб потом его можно было носить постоянно. Что ж, пожалуй, Маша больше согласна со второй точкой зрения. Шить платье на один вечер неразумно. И в то же время Маша твердо убеждена, что любое красивое платье для этого случая не подойдет. Кстати, а кто сказал, что это должно быть обязательно платье?

Маша ждет от вас эскиз самого нарядного платья для школьного выпускного бала! Маша уверена, что девочкам, у которых бал еще не скоро, тоже будет приятно пофантазировать на такую тему, ЗАПОМНИТЕ: на конверте должно быть написано: «На конкурс Маши-искусницы». Разборчиво пишите адрес, имя, фамилию, возраст. РАБОТЫ ПРИНИМАЮТСЯ ДО ИЮЛЯ. В двенадцатом номере журнала будут подведены итоги конкурса, а лучшие работы отмечены.

А вот новогодний подарок от Наташи Сауниной (г. Шадринск) для любителей кукольного театра. КУКЛЫ-ПЕРЧАТКИ. В средний палец перчатки (см. рисунок) вставлена трубка из картона или другого материала. Голова куклы набита ватой или нарезанным поролоном. Управляется игрушка тремя пальцами, а колобок — одним. Для рук и ног колобка использован проволочный каркас.

Эта ЛОШАДКА-СУВЕНИР — Машина загадка. Сделана она из ленты ватмана. Попробуйте изготовить лошадку, не разрезая ленту, лишь надрезав ее в трех местах.

В этом году Маша-искусница решила завести маленький словарь по домоводству. О любом слове из обихода хозяйки можно рассказать много интересного и полезного. Но для

большого словаря у Маши просто нет места. Поэтому она берет только те слова, которые не всем знакомы. Например, знаете ли вы, что такое суфле, или канапе, или саше? Отличается ли жакет от джемпера или гардины от портьер? Слов «бланшировка» и «пассеровка» в энциклопедии не найдешь, а в кулинарных книгах они часто употребляются. Маша надеется, что в своих письмах вы подскажете ей еще много «хитрых» слов, значение которых вам неизвестно.

А
Б

Итак: КРАТКИЙ ДОМАШНИЙ СЛОВАРИК
АМПЕЛЬНЫЕ РАСТЕНИЯ — свисающие, такие, как традесканция, плющ, хлорофитум. Они хорошо смотрятся в настенных кашпо или в подвесных вазах.

БАТИК — роспись по ткани.

БЕЗЕ — воздушное печенье, будто бы сделанное из снега.

Готовь так: 4 яичных белка пышно взбей, всыпь 1,5 стакана сахарной пудры, продолжая взбивать. (Очень хорошо, если есть, добавить чуть-чуть ванильного сахара). Застели противень хорошо промасленным пергаментом, ложкой выложи взбитую смесь одинаковыми кучками и пеки около 30 минут при 110—120°. Образуется твердая корочка — безе готово. Можно их склеить по две лепешки кремом или вареньем.

БИСКВИТ — пышные торты, пирожные, рулеты, начиненные кремом, фруктами или вареньем. Бисквит, посыпанный сахарной пудрой, хорош к чаю и без начинки. Выпекают все это из самого легкого и воздушного теста — бисквитного. БИСКВИТНЫЙ ТОРТ: 6 яичных белков взбей в крепкую пену. Осторожно помешивая, добавь 6 неполных столовых ложек сахарной пудры (сахарный песок смели в кофемолке или на мельничке или разотри в ступке), затем 6 неполных столовых ложек муки (1-го или высшего сорта) и растертые яичные желтки. Приготовленную массу уложи в смазанную маслом и посыпанную мукой форму. Духовка должна быть разогрета. Готовность определяй по румяной корочке. Спичка, воткнутая в готовый бисквит, вынимается сразу и сухой. Разрежь холодный бисквит по горизонтали и промажь кремом, вареньем или сваренным сгущенным молоком.

БЛАНШИРОВАТЬ — опустить на 1—2 минуты в кипяток.

БРА — стеной подсвечник или лампа.

Рисунки Т. Петуховой

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

ЗАГАДОЧНОЕ ЖИВОТНОЕ

Сколько дней?

Если у вас есть кусок ткани длиной 16 метров и вы будете отрезать от него 2 метра ежедневно, то по истечении скольких дней будет отрезан последний кусок?

Автор старинной книги о путешествиях описывал, как, попав в далекую страну, он встретил удивительное животное: «Оно жило в воде, имело длинное тело, покрытое мехом, и... утиный нос».

Где же может обитать такое странное животное? Он решил спросить об этом у пятерых своих друзей. Вот их ответы: в Африке, в Индии, в Антарктиде, в Австралии, на Дальнем Востоке.

А теперь ответьте, кто был прав и где водится это животное?

Прежде чем начать, а вернее, продолжить публиковать ваши кроссворды, назовем имя составителя лучшего кроссворда 1989 года. Это **Инга Каратаева из Палдиски Эстонской ССР**. Сейчас Инга живет в Ленинграде, и, видимо, это помогло ей составить пушкинский чайнворд, опубликованный в 6-м номере. Мы поздравляем Ингу и высылаем ей диплом и приз.

А сейчас — кроссворд «Еж» **Тимура Алиева** из Грозного.

1. Хищник морей. 2. Самая большая змея в мире. 3. Птица. 4. Птица Южной Америки. 5. Промысловая рыба. 6. Животное, которое питается муравьями. 7. Лесная птица. 8. Орган движения у морских зверей. 9. Горный баран. 10. Лесная птица. 11. Птица, не умеющая летать. 12. Наука, изучающая рыб. 13. Крупное животное, покрытое густой длинной шерстью. 14. Ядовитая змея.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ

№19

По горизонтали: 2. Мел. 5. Наречие. 8. Ранет. 9. Старт. 11. Украина. 12. Шар.

По вертикали: 1. Ветер. 3. Ра-

кетка. 4. Диктант. 6. Май. 7. Ара. 10. Гамак.

Превращения слов
Луг-лог-лов-лев-лес

Главный редактор
О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. ВЕРХОВСКИЙ

О. П. ОРЛОВ

Р. П. ПОГОДИН

Е. В. СЕРОВА

Н. И. СЛАДКОВ

А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь)

Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор

В. И. ЦИКОТА

Технический редактор

В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор

Г. А. БЕЛЬТЮКОВА

Адрес редакции:

193024, Ленинград,

ул. Мытнинская, 1/20,

телефон: 274-15-72

К сведению авторов!

Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.

Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.

Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

Сдано в набор 06.09.89

Подписано в печать 03.11.89

М-21304

Формат 60×90^{1/8}

Печать офсетная

Усл. печ. л. 6

Усл. кр.-отт. 22

Уч.-изд. л. 8,2

Тираж 1275000 экз.

(2-й завод 50001-1275000)

Заказ № 3158

Цена 30 к.

Текстовые диапозитивы, диапозитивы иллюстраций изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1. Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 9-601. Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38-44.

Оформление А. Януса

Хождение за три моря, или путешествие Афанасия Никитина

ПОСМОТРИ НА НИЖНЮЮ ЧАСТЬ РИСУНКА
И ОТВЕТЬ: ДО КАКОЙ СТРАНЫ УЖЕ ДОБРАЛСЯ
АФАНАСИЙ НИКИТИН?

Начало см. на стр. 33.

